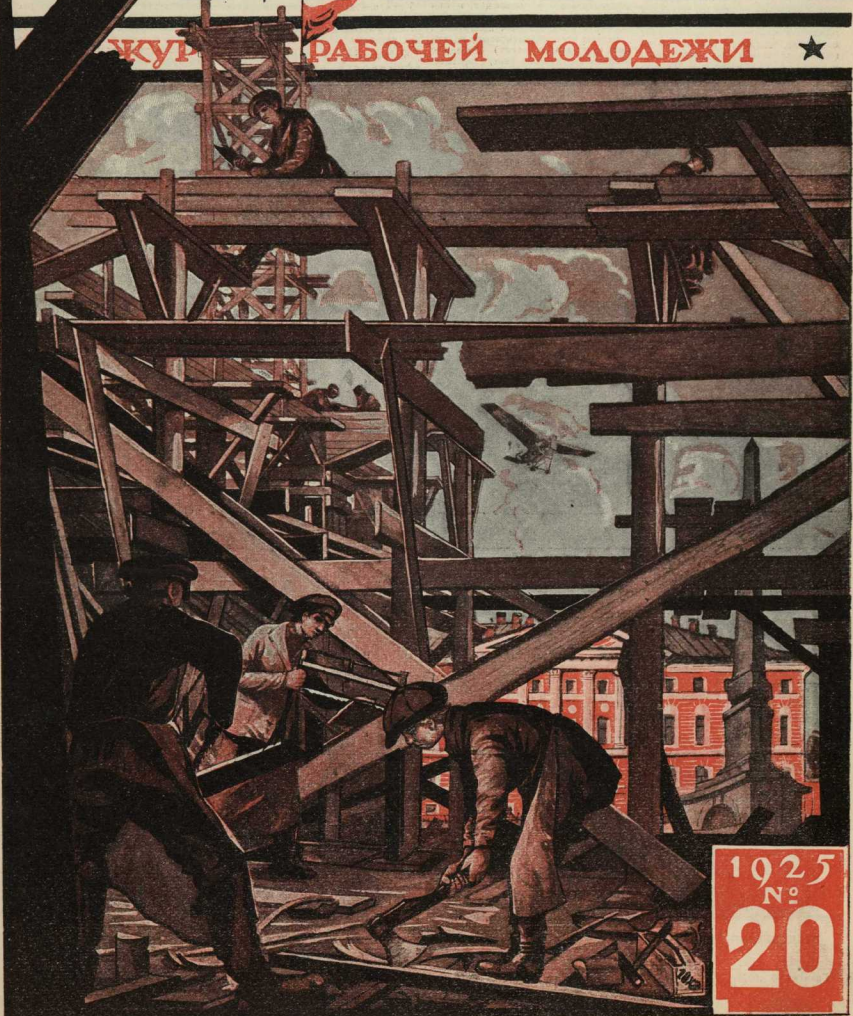


СМЕНА

ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★



1925
№
20

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

БЕСЕДЫ ВРАЧА

Приват-доцент Н. МЕЛИК-ПАШАЕВ

1. В чем выражается невроз сердца, и в чем он отличается от невроза периферии, а в чем сходен с ней? И может ли невроз перейти в порок, если заниматься физкультурой.

(Н. Каторговский, г. Житомир).

Под неврозом сердца мы понимаем заболевание сердца нервного происхождения, в основе которого лежат не грубые изменения самого сердца (пороки сердечных клапанов, мышц и проч.), а расстройство в деятельности нервов.

Заболевание эта болезнь в неспециализированных областях сердца — а именно «сердечных», повелевающих деятельностью физического организма, а именно, в частности, в замирающих областях отсутствуют, пульс учащен. Обычно имеется явный признак общей нервозности (повышенная раздражительность, бессонница, головные боли и пр.).

Невроз сердца легко излечим. Для этого необходимо полное укрепление: лечение в санатории и правильный распорядок труда, отдыха и сна. Легкие движения на воздухе, возбуждая аппетит, сон и кровообращение должны быть рекомендованы. Очень хорошо действуют холодные обливания (градусов на 24—20), обливания тела холодной водой (стол. ложка повзрелой соей на кружку воды).

Переход невроза сердца в органическую порок сердца, даже при условии некоторого злоупотребления физкультурой, невозможен. При чрезмерном злоупотреблении, особенно тяжелыми видами спорта (поднятие тяжести, гимнастика и др. и проч.) — могут развиться временные явления нарушения деятельности сердечной мышцы.

В сомнительных случаях необходимо посоветоваться с врачом.

2. Как избежать почечных заболеваний, сопровождаемых явлениями слабости, вялости, бедности и понижения трудоспособности.

(Из письма В. Г.).

Иногда случаются почечные поражения можно рассматривать как своего рода физиологическое явление — раздражения организма от избыточно скопившейся спермы. Однако, кроме этих случаев, мы знаем ряд болезненных (паталогических) поделок, которые способны вызвать те болезненные явления, о которых вы пишете: вялость, слабость, бедность, дурное настроение и понижение работоспособности, на основании которых вы заключаете в пользу здраво, что «мышечные полочки не нужны». Этот вид поделок обычно сопрягается с полным бессонием и является в результате

либо предшествующих половых нападений, либо предшествующего озабоченности оными, а иногда, как осложнение трипперного заболевания, распространяющегося с мочеиспускательного канала. Это уже заболевание физиологического поделка, и они способны, конечно, как вы пишете, «ослабить вас в плохое поделка».

Весьма часто возникновение поделка — с физиологическим (связано с этими физиологическими) с эротическими снами и т. д. Весьма прелестно полагает к ним теплые укутывания и лежание во время сна на спине. Всех этих моментов надо избежать. Рекомендуется при (опавшем, триппер и пр.) необходимо извять раз и навсегда. Помимо этого весьма хорошо действует общее укрепление нервной системы и гигиенический образ жизни. Физиологический спорт (обливание тела горячей водой, и душ и т. д.).

3. Нормально ли, что в испрех-миллиметровые маленькие черви как от них избавить?

Само собой понятно, что отложение с испражнениями червей — явление нормальное. В первом случае мы имеем дело с заражением глистами, так наз. «острицами». Живут острицы в толстых кишках человека, откуда самки сползают к анусу, откуда могут отложить в окружающую среду яйца и этим причиняют порой нестерпимый зуд. Последний распространяется в область наружных половых органов, что вызывает поделку у девочек, к развитию озабоченности. Помимо этого, острицы причиняют вред, вызывая бессонницу. Заражается острицами человек при еде мытыми овощами, фруктами и т. д., на которые легко могут попасть яйца остриц. Лечение, проводимое под наблюдением врача, заключается в назначении глистогонных средств (санитон, цитварное семя) с последующим назначением клизм, с 2—3 ложками уксуса в течение 2—3 дней. Обыкновенные клизмы желательно продолжать еще 7—10 дней.

4. Как заставить, что имею солитера и как от него избавиться?

У человека встречается обычно три вида солитера — свиной, бычий и свиной, и из них только свиной относится к летучим паразитам. Заражение происходит при употреблении коленного или плохо прожаренного и проверенного мяса или рыбы. Болезнь выражается в изнурительном, злокачественном поделка малокровии, расстройстве пищеварения, серцебиении, кровоизлия-

ния и проч. Нередко болезнь кончается смертью. Для предупреждения заболеваний — необходимо хорошо проварить и прожарить мясо и рыбу. Лечение (также под наблюдением врача) заключается в назначении глистогонных средств (коренные мужского папоротника, кора граната и др.), слабительного и клизм. Лечение сводится к удавлению, если отходит головка; в противном случае, если отойдут почти все черви (от 3х до 15 саженей длины) от шейки развоятся все новые и новые черви, и глиста вскоре достигнет своих прежних размеров.

5. Можно ли избежать беременности каким-либо путем, кроме аборта?

(Одесской комсомолке)

Отвечая на ваш вопрос, имеющий, несомненно, большое общественное значение, мы не будем касаться тех, преимущественно, оперативных приемов, которыми достигается стойкое и постоянное бесплодие женщины. Святая деторождение и материнство важная социальная функция женщины, мы укажем наиболее употребительные средства, дающие возможность предупредить беременность, но более или менее продолжительное время, имея в виду целый ряд медицинских и социальных показаний, требующих временного недопущения беременности.

До сего времени мы не имеем ни одного верного, безопасного, легко

применимого и общедоступного по цене средства, которое можно было бы рекомендовать.

Употребляться, без некоторого успеха, шаржи, содержащие дезинфицирующие и убивающие мужские сперматозоиды, средства, которые вводятся во влагалище перед самым сношением. Очень часто практикуется введение мужского семени из влагалища семени, которое, однако, вызывает ряд тяжелых нервных расстройств у обоих. Простым, но мало надежным средством можно считать удаление мужского семени из влагалища тотчас же после сношения, для чего прибегают к спринцеванию теплой водой в 29—30°. Еще лучше спринцевание дезинфицирующими средствами, например, водным раствором карболовой кислоты, раствором сулемы 1:5000 и друг. Из средств, механически препятствующих зачатию — отменны ватные тампоны, губки, мужские резиновые колпачки (кондомы), также резиновые или металлические шпильки, надеваемые на влагалищную часть шейки матки. Из них наиболее распространены резиновые колпачки. Менеенадежно, вводимый в канал матки (т. наз. Стерилит). Очень хороши презервативы «Кавка», «Гаршеда» и друг. Все эти приборы пролазуют под номерами и хоронят только в том случае, если подобраны по размеру матки и если женщина научается одевать их надлежащим образом.

НОВЫЕ КНИГИ,

ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ НА ОТЗЫВЫ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ	НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ
Г. Зиновьев — Большешизация и стабилизация. Ленин. 1925 г. Стр. 208.	Э. Яншиевич — Существует ли загробная жизнь? Ленин. 1925 г. Стр. 20. Ц. 10.
Г. Зиновьев — Борьба за партию. Сборник по Ленин. VII—II Ленин. 1925 г. Стр. 378. Ц. 1—65 к.	Н. Кольковский В. Л.—Усп. и развитие мировой техники. Ленин. 1925 г. Стр. 190. Ц. 1—10 к.
Хрестоматия для ком. политик. I ст. Изд. «Мол. Гвард.» 1925 г. Стр. 309. Ц. 17 к.	Л. Лившиц — Отчего мы умираем? Ленин. 1925 г. Стр. 69. Ц. 40 к.
Хрестоматия для ком. политик. II ст. Изд. «Мол. Гвард.» 1925 г. Стр. 403. Ц. 1—80 к.	А. К. Никольский — Красный воздушный флот. «Мол. Гвард.» 1925 г. Стр. 82. Ц. 50 к.
Я. Яковлев — Расселение в деревне. Изд. «Мол. Гвард.» 1925 г. Стр. 69. Ц. 18 к.	В. Богданов — Германия. Как люди на белом свете живут? Стр. 43. Ц. 12 к.

ПОЛИПРОСВЕБРАБОА

А. Вилеткин — Работа с газети шаржи. Стр. 29б—чтальце. Ленин. 1925 г. Стр. 29. Ц. 12	ФИЗИКУЛЬТУРА
«За учебно» — Пособие для устройств. вчер. сост. С. Долянский. Изд. «Мол. Гвард.» 1925 г. Стр. 66. Ц. 23 к.	М. Н. Ниман — Легкая атлетика. Ленин. 1925 г. Стр. 63. Ц. 35 к.
С. Бергам — Опыт метод. кауби. работы. Ленин. 1925 г. Стр. 132. Ц. 70 к.	Школа физической культуры, под редакцией В. И. Лаврова. Изд. Гизуок. 1925 г.

СОДЕРЖАНИЕ: БЕЛА ИПЛЕШ — О том, как хоронили трумена Петру (расказ) — Е. БИВАЛОВ (Зюк-Бет) — «На фора ре» (расказ), НУПКА — (автора), М. ПЛАТОШКИН — Манарка (кончание) — расказ, Е. БИВАЛОВ (Зюк-Бет) — «На фора ре» (расказ), НУПКА — В стране лорков (очерк), В. ГИРИН — Как его принимали (расказ), Н. КАНИН — Восстание в Татар-Волге (статья), Г. И. ТЕОДИОР — Роль орудия (статья), С. СМУГИЛИ — Солонный воздух (очерк), ГИРЛОВ — Прозит ли гибель колониальной (статья), В. М.—Инцидент — строителя (статья), Б. ГРОМОВ — Профсоюзный правдив физкультурник СССР (статья), Первые Веселые комсомольские состязания строителя (статья), РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА «СМЕНИ»: Р. РОМАН — 40 укрошек (статья), 2) Отным жюри, М. МАСУНИН — Трагедия трех жонглеров (фелетон), Н. МЕЛИК-ПАШАЕВ — Советы врача, К. ЖАС — Ответы юрота. — Задач, ребусы, шарды. — Почтовый ящик. — Об извения.

Обложка работы художника И. СОКОЛОВА.
Иллюстрации художника: ЛАУЛА КУПКА, А. ЛАПТЕВА, Д. МЕЛЬНИКОВА, Ю. МИФАСОВА.
Фотографии Ф. ЗУБКОВА, С. КРАСНИНСКОГО, А. ШИЛЕНКОВА и др.

РЕДКОЛЛЕГИЯ { А. Герлов, Л. Колесников, С. Солов, С. Федоров, Д. Ханян.

Отв. редактор Л. КОЛЕСНИКОВ.

„СМЕНА“

ПРИВЛЕЖЕНСКИЕ ГАЗЕТЫ:

- 1) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЕЦ“—орган Московского К-та РЛКСМ.
- 2) „НА СМЕНУ“—орган Уралбюро Центрального К-та РЛКСМ.
- 3) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЕЦ“—орган Центрального К-та ЛКСМУ.
- 4) „МОЛОДОЙ ШАХТЕР“—орган Донецкого Губкома ЛКСМУ.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ОРГАНЦентрального и Московского Комитетов Российского Ленинского Комсомола.
Из-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»ПОДПИСНАЯ ПЛАТА
на 1935 год.

№ 1 год — 24 ном.	6 руб. 00 коп.
• 6 мес. — 12 „	3 „ 75 „
• 3 „ — 6 „	1 „ 00 „

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

Москва, Мохов Пассаж, д. 6/7. Тел. 1-40-13

Рукопись редакции не возвращается

№ 20

15 ОКТЯБРЯ

1925 г.

Международная конференция по детдвижению



Тов. ЧАПЛИН (секретарь ЦК РЛКСМ) делает доклад на конференции. СПРАВА—тов. СИТАРОВ—секретарь Исполкома КИМ, СЛЕВА—норвежский пионер РОГНЕР НОРМ.

КАК ХОРОНИЛИ РУСИНА ПЕТРУ

Рассказ БЕЛА ИЛЛЕШ. Иллюстрации П. КУПКА.



БЕЛА ИЛЛЕШ.

Бела Иллеш родился в 1895 году в Венгрии. Активный участник венгерской революции. Организатор компартии Подкарпатской Руси. Подвергался 6 раз тюремному заключению. Выслан из Австрии и Чехо-Словакии. Им написано много интересных книг, чисто пролетарских по своему содержанию, которые переведены на многие языки.

Теперь Бела Иллеш живет как политэмигрант в Москве и состоит членом Международного Бюро Пролетарской Литературы.

ПЕТРА, ночной сторож, умер в четверг утром. Как всегда, пришел домой, едва только занялась заря, лег в угол, где были приделаны ясли для пары коз, и тихо уснул. Жена, Олена, поняла, что случилось, только тогда, когда в полдень не смогла добудиться его.

Без малого в тридцать восемь лет Петра был уже старой потрешанной шкурой. Волосы у Петра давно вылезли, только на темени торчало несколько забытых грязно-серых пучков; лицо его избороздили глубокие морщины, ноги дрожали; обрубок левой руки, отхваченной до локтя машиной на лесопилке, к перемене погоды терзала подагра.

И все же Петра никогда не болел. Сварливым и нелюдимым он стал только с тех пор, как занемог маленький Василий. Василий был младшим из четверых оставшихся в живых детей — самым слабым и хворым. Остальные трое в два года уже ходили! Василию же было уже четыре, а он все еще лежал в люльке. И ведь много ел маленький Василий:



Петра только этого и ждал...., уловатой своей палкой зажал свиное в угол и набрал кучу редкостного кушанья.

когда ему еще двух лет не было, он уже два раза в день с'едал по целой миске пулиски ¹⁾, да и миску-то вылизывал. Но еда не шла ему в прок: когда на венгерскую пасху Олена, чтобы искупать его, развернула шаль, закутывавшую его ноги, то Васильевы ноги показались ей тоньше, чем у скелета, который в прошлом году за три крейцерапоказывал в Поляне рабой турок.

Вот тогда-то, так дней через восемь после купанья, — и заболел Василий — перестал есть. Не хотел ни пулиски, ни даже овсяной лепешки с ковыным молоком. Только

Пришел кузнец, осмотрел Василия, да так и ушел. Позвали попа; читал он что-то над ребенком, но и от этого толку не вышло. Господин инженер, который как раз охотился в тех местах, зашел на крик Василия и сказал, что нужно бы позвать доктора из Сольвы. Но вечером Василий с'ел овсяную погачу ²⁾ да пол-луковницы, и Олена решила покуда не звать врача. Когда же на другой день тчетно предлагала она сыну постеть, Петра пошел к Юрко.

Юрко Дюжий, беспокойный, сварливый холостяк — широкоплечий, могучий, — ногу поставит, семь пудов опустит. Непоседа: не мог долго оставаться на одном месте. Почти каждую неделю пешком ходил в Сольву, а весной даже в Мункач спускался продавать кожи, которые скупал на зиму. В лесу говорили, что в солдатах Юрко даже грамоте научился.

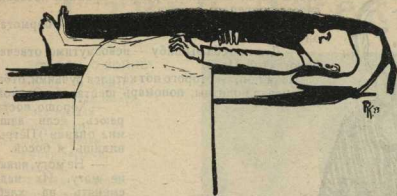
Через три дня пришел врач. Маленький, худой, рыжебородый еврей. Вынул Василия из люльки, так его оглядел его и тотчас же стал мыть руки какой-то розоватой жидкостью. Долго мыл, а потом написал что-то на записке, велел давать Василию. Олене доктор

¹⁾ Кукурузная каша с творогом.

²⁾ Лепешка.



...вошла кухарка. Она принесла большую глиняную миску, доверху наполненную.



В тот самый день хоронили маленького Василия.

сказал, чтобы каждый день открывала окно (оно было наглухо закрыто). Денег тоже потребовал — много денег, целый флорин. Пришлось продать одну козу; купил ее кабатчик, такой же рыжий, как доктор, что приезжал из Солынь.

Олена снесла записку к попу. Тот опрыскал бумажку святой водой, побормотал над ней и посоветовал завернуть в чистый лоскуток полотна и привязать Василию на живот, — от этого он выздоравливает. Но и бумажка не помогла: Василий не выздоравливал, а, наоборот, со дня на день ему только хуже становилось. От крика он совсем охрип.

— Нужно бы чего привезти из города, — сказала Олена, которая была способна на убийство ради детей, особенно с тех пор, как трое у нее умерли от какой-то горловой болезни.

— До города далеко, — мне не дойти.

— Тогда пускай Юрко принесет чего-нибудь хорошего, сладкого, такого, что едят дети господина инженера.

Инженер жил в каменном доме. Дом был крыт не соломой, а черепицей. Во всем лесу не было другого такого: красивый цветник был перед ним, а вокруг — высокий досчатый забор. Позади дома был маленький деревянный сарайчик: свиной хлев. Тут всегда было восемь — десять больших жирных, денивых свиней, да и неудивительно, что жирные были: — Петра часто видел, как кухарка по вечерам кормила их вареным картофелем.



Поп забрал за похороны вторую козу — последнюю. Плакала Олена...

Солнце уже село, когда Петра залег в кусты. Недолго ждал Петра: кухарка вынесла большую глиняную миску с картофелем, выспала свинья и пошла в дом Петра только этого и ждал; тотчас же перелез он через забор, узловатой своей палкой загнал свиней в угол и набрал кучу редкого отного кушанья.

Олена очистила картофелину, густо посолила и дала Василию. И так вкусна была картошка, что и трех штук было мало ребенку. Четвертой, однако, он уже не доел.

Половину оставил. Эту половину Олена дала Петре, тот не стал есть:

— Не годится это взрослому — сказал — только ребенку, да и то — большому.

Всю ночь стерег Петра лесопилку. Утром позвали в контору. Господин инженер прислал за ним.

— Тебе что вчера у моих свиней понадобилось?

Петра не отвечал. Инженер повторил вопрос, и когда Петра лихь молча мотнул головой, гневно закричал на него:

— Убирайся вон, вонючий мужик! Мне воров не надо.

Ноги твои чтобы не было в лесопилке.

Вечером уже какой-то хромой румын стерег лесопилку, а Петра всю ночь пробродил по лесу. Так прошло три дня, а на четвертый, когда заведующий Зингер всем заплатил за работу, Петра не получил ни крейцера. В тот самый день хоронили маленького Василия. Поп забрал за похороны вторую козу — последнюю. Плакала Олена, плакали дети, а на другой день не было в доме у Петра ни пулиски, ни овсяного хлеба. Тогда уже весь лес знал, что Петра — вор, и все говорили, что господин инженер прав.

Олена, причитая, обошла все избы, и почти все дровосеки подавали ей: кто лукуницу, кто немного овсяной муки... Не много давали, но у них и у самих не много было. Ворчали парни, урянувшись с войны, что так тяжело работать приходится за гроши. Но поп созвал дровосеков и объяснил, что господин барон, — тот, чья это лесопилка, лес и в лесу ключ и стекольный завод и все, что вокруг, — господин барон не может больше платить потому, что у него работает много тысяч рабочих, а такую уйма может с трудом содержать даже такой богатый человек, как господин

барон. Старики говорили, что поп прав, а молодежь ворчала:

— Ладно, не вечно так будет. Вон, в Мункаче уже и теперь другие порядки. Это было в декабре. После рождения приехал в лес мировой судья из Солынь и так это сладко пел и за руку зловрался с дровосеками. Кто бы ожидал от этого важного барина такого красивого поступка... Он сулил золотые горы. Обещал мяса, сахара, хлеба. Потом до самого августа о нем ничего не было слышно, а осенью хлеба в лесу стало еще меньше, и пулиску вместо молока варили на воде.

Целые месяцы у Петра в доме только тем и питались, что приносила Олена. Сам Петра лишь изредка заходил домой — съест кусок овсяного хлеба. Целыми месяцами он бродил по лесам. Что он делал, чем жил, — никто не знал. В воскресенье в церкви поп отчитал



...схватил за шиворот иривместного, выталкивая от страха человека, потащил его к двери.

его при всем честном народе, и люди стали его сторониться.

Однажды, когда Петра неожиданно в полдень явился домой, он нашел дверь закрытой изнутри на засов. Напрасно кричал он и стучал в дверь подкованным сапогом, — никто не откликнулся. Но ему казалось, что внутри кто-то есть. Наконец, он плечом вышиб дверь и ворвался в избу.

Его старшая дочь, двенадцатилетняя Хафа, была дома. С ней был гимназистский инженер. Петра пошатнулся и заревел, как раненый зверь. Сын инженера ловорно выскользнул вон. Хафа рыдала навзрыд.

Несколько минут Петра неподвижно стоял, прислонившись к стене, потом медленно пошел на свое место и лег под яслими. Спокойно спал, пока не стало смеркаться.

— Господин инженер уже два раза присылал за тобой, — сказала Олена, когда Петра проснулся.

— Ладно, схожу.

Разыскал топор, который валялся под кроватью с тех пор, как Петра оторвало руку. С топором под мышкой пошел на квартиру к инженеру.

— Я позвал тебя, Петра, чтобы взять тебя обратно на службу. С нынешнего вечера ты опять будешь стеречь лесопилку.

— Где ваш сын?

— Мой сын? Зачем он тебе? Тебе нет до него никакого дела. Положи топор, он тебе больше не нужен, и ступай на лесопилку.

— Где ваш сын?

В это время вошла кухарка. Она принесла большую глиняную миску, ту самую, которую Петра видел в тот вечер. Поставила перед Петрой. Петра отступила назад: миска была до верху наполнена вареным картофелем.

— Сын ваш где? — спросил Петра и закрыл глаза, чтобы не смотреть на вкусный, разваренный картофель.

— Ешь, Петра.

Петра сладострастно вдыхал аромат картофеля и, хотя уже много лет не ел этого редкого блюда, даже чувствовал его вкус, приятный, бесподобный и вкус, в сравнении с которым ничто — вкус вареного хлеба и вареной на молоке пшеники.

— Ешь, Петра.

Петра не устоял. Выступил из рук топор и сразу выхватил из миски три картофелины. Ел жадно, яростно, с бесграничным наслаждением. Оporожнил всю миску и даже пальцы облизал. Затем пошеловал руку господина инженера, — а ведь до тех пор только попу руку целовал.

Всю ночь стоял Петра перед лесопилкой, снова и снова восстанавливая в своем воображении съеденный картофель. На заре пошел домой спать. Мгновенно заснул, а в полночь Елена не могла его разбудить.

— Как раз теперь — голосила несчастная, — когда, наконец, пришел мой день не только для того, чтобы поесть...

Но теперь не приходилось терять времени даром. Плакать предоставила детям, а сама пошла хлопотать насчет похорон. Тяжелая это была задача: ни денег не было, ни козы, чтобы продать. Правда, гроб ей ничего не стоил. Юрко сколотил его из краденых досок; за землю тоже не пришлось бы платить; зато поп не хотел хоронить даром. Когда Петра уже два дня пролежал в гробу, а поп все еще не переставал торговаться, одноглазый Иван взял дело в свои руки.

— Пойдем-ка со мной — сказал он жене Петры — я ему заплачу.

— Если по чести не похоронить Петру, убью, как собаку, — с таким приветствием вошел Иван к попу.

Поп не знал, что отвечать, но Иван не особенно и интересовался ответом,

досом читал молитвы, время от времени косясь на своего свергнутого стража.

— Если я дам знать судье в Сольву — бормотал он среди молитв.

— Дух из тебя вышибу — невозмутимо отвечал одноглазый Иван.

Пока поп, с которого пот катился ручьями, отбавивал молитвы, пономарь шептался с Оленой.

— Хорошо, постараюсь, если дашь мне опанки!) Петры, видишь, я босой.

— Не могу, никак не могу, не твои смеять на хлеб. У девочек с позавчера маковой росинки во рту не было.

— Опанки-то Петровы, не твои. Спасение души важнее хлеба будет. Бога не обманешь. Поповы молитвы не дойдут до Бога, — ты за них не платила. Только я могу вымолить для Петры царствие небесное.

Опанки стояли под кроватью. Поп уже кончил отпевать. Спорить было некогда. Пономарь, не дожидаясь ответа, всунул в них ноги.

Когда церемония была закончена, Юрко звала на плечи гроб и пошел.

Иван ни на минуту не выпускал попа, и правая им, как лошады. Псаломщик громко распевал молитвы, не отрывая глаз от опанок.

Олена в голос причитала всю дорогу, и, глядя на нее, ревели дети. Из лесу никто не пришел на похороны: там с зари до позднего вечера кипела работа.

Выйдя на проселенную дорогу, они встретили лесничего. Тот обнажил голову, истово перекрестился и дал Олене ломоть вкусного ржаного хлеба. Олена остановилась, понохала хлеб, разложила на три части и дала детям.

Девочки жадно впились в хлеб зубами и даже отстали немного, а потом, жуя хлеб, с заплаканными глазами, но счастливо улыбаясь, побежали за гробом отца.

) Кожаная обувь, вроде лаптей.



Жуя хлеб, с заплаканными глазами, но счастливо улыбаясь, побежали за гробом отца.

а, схватив за шиворот приземистого, толстого, заикающегося от страха чело-вечка, потащил его к двери.

— Вперед, батюшка!

Поп не мог, да и не особенно осмеливался сопротивляться, — только беспрестанно крестился:

— Господи, господи, что будет с этими заблудшими, — бормотал он.

— Это уж наше дело, — отвечал Иван, держа попа за ворот. — Хлеб и мясо будем есть и не будем работать, как волы.

Олена едва попевала за Иваном. Шестивый замыкал босой пономарь, распевавший псалмы и усердно махавший кадилом.

Одноглазый Иван продолжал держать попа за шиворот даже тогда, когда тот уже стоял у гроба. Поп дрожащим го-

Г о р о д

Нанесли сеть трамвайных проводов.

И в каждом проводе бьются токи.

Стальные нервы новых городов

В нас пульс тупой безумящего потока.

Поток на улицы, на площади, в толпу...

Вдыхает город радостно и вулко;

Течет поток, выстраивает путь,

От площади до ушек перелюк.

Линь только вспомнить промыве вода,

Осколки дней покажутся так странным,

Слезилась кровью вора города,

И этот город тоже был изранен.

Раскройте шире зорубу глаза,

И проносе откатывалась мимо,

Уходит дальние, скольк века, назад,

(А прошле уже инваториме).

В моих зрачках отсвечивает ноя,
И волос енука расцветает смехом,
А город знает, что ему со мной
До будущего не достать.

Я в средние зрелющих века,
Моя работа посередке, между...
Еще держусь за промыве рукой
И к новому ялму надеюсь.

Пусть завтра копейки мой тяжелей снаж
(Не завтра сплюбокие руки)
— Я проносе сегодний бажаж,
На завтра, сын мой, послезавтра енуки.

Стихи Джека Алтаузена

ВИШНЕВАЯ ГУБЕРНИЯ

Письмо бабушке в Иркутск.

Седая, милая и верная,
Я не могу, прости, прости,
Твою вишневую губернию
На эти льдины принести.
И равно мне в закаты белые,
Как шарки катит года,
Что волосы белее делают
И губы сушат навсегда.
Вот я стою за той оградой,
Где восемьдесят лет назад
За золотыми аистопалами
И твой кружились аистопал.
На этом месте каждой осенью
Ты наполвалась медом груш,
И каторжник попался муж;
Потом пошла другой дорогой;
Другие дни, чужая ширь;
Кругом, изрытая острогами,
Черемуховая Сибирь.
Седая, милая и верная,
Не скоро седина пройдет.
Твоя вишневая губерния
Еще попрежнему цветет.
И плакать, старенькая, не о чем—
Катитесь, шарки годов.
Пусть думают— сторежа девочек
На летнем пламени садов.
И выросла другая, верная...
Я не могу, прости, прости,
Твою вишневую губернию
На эти льдины принести.

И Р Б И Т

Луной водою облитый,
Вспыхнул основной лог.
За горюстайшим Ирбитом
Много оленьих дорог.

Лесом и туларой горбатой
Скачет курган на курган,
Или задумит сохатый,
Или убьет партизан.

Ярмарка; ситневый сварец
Снегом закружит пути.
Думает старый татарин
Счастье купново найти.

Кажется жидкой и клейкой
Эта пустынная высь.
Звезд золотые концы
К сиему сучку неслись.

Листоветный воздух на склоне
Не захлещет синевой.
Пьяные рыжие кони
Ночью догнали его.

Кто это медленно гребал?
Вспыхивал думный пожар.
И развешенно рабаю
Проклялся товар.

Сколько ты прожил на свете,
Мудрость татарская гад?
Кровь на железном белмете,
Сезы зари в бореле.

Каришнем черной ворони
Падают званы концы.
Маленький твой татарченок
Не позабудет Ирбит!

Пьяное, дикое рыцарье
В ярмарочном думу.
Дряхлые своды Казани
Сиялись изверно суму.

Лесом и туларой горбатой
Скачет курган на курган,—
Или задумит сохатый,
Или убьет партизан.



Джек АЛТАУЗЕН

ОТРЫВОК „О ВОЙНЕ“

Ударя нам в ноздри
Предупрежий воздух.
Кони топтали
Рыбье кусты,
Старые звезды,
Рыжие звезды
Шипели
И падали с высоты.
Заря выкруглялась
Неторопливо.
Я не хочу
Стрелять по заре.
Мертвые гривы,
Черные гривы,
Горькая пена.
На конском бедре.
Золотое солнце
Кружило и село.
Взбешенных дней
Голубая гурьба,
Когда над каждым
Вшивым
Висела
Вся сумасшедшая
Наша судьба.
Одному приснилась
Сладкие гривы;
Увидел он
Сельскую синеву.
Такой молодой
И такой курчавый.
Си даже мертвый
Зарылся в траву.
Я видел,
Как руки его
Ослабели,
Как перевернулся
Он.
От тоски
Блестели, как стебли,
Тонкие
Саблы,
Розовой сталью
Сияли штаны.
Слушай, товарищ
В потеряй шубенке:
Я не встречал
Черной твоих глаз.
Верно ты был
Любимым ребенком,
Верно ты плакал
В последний раз.
Золотое солнце
За нами,
За нами,
Друг дорогой!
За нами—
Года.
Каждая пуля
Царапает имя,
Жизнь перечеркивает
Навсегда.
Под небосклон,
Большой и бурый,
Дряхлые мельницы занесли.
Как старые вороны
Против бури,
Вон они машут
Нам тяжело.

Что это?
Сердце,
Ты мне изменило.
Что это?

Вишни
Я рву в саду.
Слушай, товарищ.

Слушай, мривя!
Кажется—я
Сейчас упаду.

М А Т Е Р И

Будь проклят я
За то, что
В дни,
Когда
Рыбье ветры
Над странною дуля,
Мне мяловала
Голову
Гола,
И от меня
Отвертывались пути.
Меня штаны
Не клали умирать,
Кривая шапка
Плеч не щекотала—
За то,
Что ты,
Тоскующая мать,
На столько лет
Со мною
Опоздала.
Качали ветры
Кольбель моею.
Спал горизонт,
Забросанный далеко;
А где-то
В мире,
В мире —
На краю
Вы падали
Под пальмы

И осокни.
Рубились вы!
Вас ела ночь
И мгла.
А я...
С мальчишками
Рубился в перебранку.
Вы со штывками
Лезли на орла,
А я орла
Разгрызал
В орлянку.
Мне говорят:
„Мы больше не рабы“.
И я не раб,
Как были все
Когда-то.
Холодные,
Как сердце
У судьбы,
Стальное сердце
Вшивого создата,
Который шел,
Который шел ножи—
Нам целовать
Края его шинели.
Он вам берет
Младенческую жизнь,
Прострещенные
Наша
Кольбели.

МАКАРКА

М. ПЛАТОШКИН, рис. Л. МЕЛЬНИКОВА
(Окончание)

ВЕЧЕРОМ у Яшки резались в карты. Макарка сам не знал, как попал сюда, смотрел на оживленные лица ребят, на кучки бумажек и ничего не видел. Слово сквозь сон слышал разговор о Битове, о его деньгах. Слово во сне видел, как Гришка притаил бутылки, звон стаканов слабо ударил в уши, и к самому носу неожиданно подскочил стакан и защекотал. Вздрогнул Макарка, поднялся.

— Стукнул, чего трусишь! Русская, брат, — расмеялся Яшка, аппетитно щелкая пальцами.

Макарка молча, все еще не опомнившись, качнул головой.

— Пей, какого ты, — решительно закричал Яшка и привинул стакан, ну, а насчет вашей школы как?

Взглянул Макарка в глаза Яшке, хотел ответить и смутился. Опустил взгляд. Стыд за себя, за яичку краской разлился по лицу. Захотел Яшка, и его жесткий раскатыстый смех больно хлестнул по сердцу.

— Эх, дурной, дурной, а ты и веришь. Да я всегда говорю: брось их, пей лучше.

Снова поднял стакан.

— Нет, это Валька. Там хорошие есть, — робко бормотал Макарка, а сам бессознательно тинул к стакану.

— Все они сволочи. Пей! — Кричал захмелевший Яшка.

Макарка старался оправдать яичку, но говорил все слабее, беспорядочнее.

Домой вернулся поздно, ноги не слушались, плыла по комнате, стучался мягко о стены, лицо покраснело, размякло, глаза посоловели.

Макарка пошел, шатаясь, по комнате и, споткнувшись о постель, тяжело рухнул на заскрипевшие доски.

VI

ПЕРВЫЙ РАЗ пришел Макарка с работы прямо домой. Месяца три не был. Шуляга старушка, хозяйка Макаркина, вышла ему отпереть и осталась на пороге, разводя руками:

— Господи-батюшка. На какой это стене-то написали... Консомлы окаяные, каждый день шлятуют, хоть бы дров наколол.

Макарка молча прошел в свою комнату. Вяло снимал салютную блузу, не хотя брызгалась водой. За столом равнодушно без аппетита жевал белый хлеб, то и дело останавливался с набитым ртом и смотрел немигающими глазами в угол. Вспомнившая Васю, Андрея, видел их на заседании в райкоме, и совестно становилось, что вчера влоску написал.

А когда рядом появлялся Валька с лоснящимися портфелем, в груди просыпалась какая-то злость и разочарование.

Зачем Вальку в комсомоле держать. Для себя, ведь, он. Карьеру пробагает... А, может, и Андрей и Васяка также, только виду не показывают.

Макарка весь напрягался, смотрел упорно в стену, точно разглядывая старая за ней Васкино сердце...



Шуляга старушка, хозяйка Макаркина, вышла ему отпереть и осталась на пороге, разводя руками. . . Макарка молча прошел в свою комнату.

Вечером один шатался по улице. Был теплый осенний вечер. Надоели бесконечные двухдневные дожди, не хотелось уходить в этот вечер в темную каморку. И шатался Макарка по улицам, уходил от дома, не замечая дороги. Прошел завод, всю слободку, остановился на берегу Москва-реки, задумчиво смотря на сверкающий огнями город. Не заметил, как сзади насочила целая орава.

— Макарка! Друг ситный!

— Ах, ты, гад ползучий, ах, вот ты где ошиваешься!

— Здорово, идем с нами!

Растерялся даже Макарка: один лези здороваться, другие зачем-то совали в бока, третьи кричали над самым ухом. Вся старая компания набрела с девчатами.

— Идем в киношку.

Макарка отказывался, говорил, что нет денег, но его утащили.

— Что же, черт, совсем закомосолился и злиться не хочешь, да!

Яшка взял его под руку, а с другой стороны Манька стриженила в кружок, вцепилась, повисла на его руке, крепко-крепко прижалась. Чувствовал даже Макарка, как билось рядом ее сердце, чувствовал ее молодое горячее тело, и без сопротивления шел в театр.

Давно начал, было, гулять с Манькой, да комсомол пошел. А сейчас опять поглянул к ней. Яшка скоро улетучился к своей, влюбом остались. Манька со смехом рассказывала, как они в прошлое воскресенье ездили на дачу и так кутили там, дух вон.

— И в это воскресенье собираемся. Едем с нами!

Макарка молчал. Хотел сказать — нет, да взглянул ей в лицо и почувствовал, что обязательно поедет, сам будет ребить тереть, чтобы ехали. И боялся этого, чувствовал, что его куда-то тинут от ребят, от яички, не хотел поддаваться, но Манька повисла на руке, — не оторвешь.

— Ну, поедешь что ли?

— Не знаю.

— Едем. Уж и загуляем с тобой, у-у-у... Только денег больше бери. Поищишь, как зимой на вечеринке. Неужели опять не хочешь, а, Макарка?

Вместо ответа Макарка прижал ее крепче, нагнулся к ней, замедлил шаги. В голову стояла яичка, но ее все больше и больше заволакивало туманом.

VII

ЖЕРЛАМИ прожекторными далеко в темь улицы лучится свет. Черным великаном четко вырисовывается на нем заводская труба. Отойдешь за полверсты, оглянешься и чудится: полыхает завод огромным пожаром. И яркий, белый отблеск бросает в улицу. И даже страх пробирает. Хочется сорваться и бежать, что есть духу, завод выручать. И плывут рабочие черным говорливым ручьем толщью не на пожар, а на праздник, на годовщину Октябрю. Оттого и снег так задорно хрустит, словно подсолнухи жареные под ногами, что весело на сердце у всех, прет эта веселость наружу, заставляя и снег под ногами пыльную выговаривать. А у входа в завод, поперек ворот, отсвеченные буквы:

— «Седьмая годовщина».

По краям два серпа золотых с молотами серебряными обнимаются. И такой свет хлещет на улицу от этих букв, что даже глазам больно смотреть, и снег золотится переливами. Будто тоже лозунг состряпал хочет. В освещенном белом пространстве галдит безбашенная ребятня, жмет к воротам надоследио.

— Дяденька, проводи!

— Дядь, дай билеты!

— Да-аденька.

Прячутся за спины рабочих, прошмыгивают в ворота. Среди безбашенных испоконно топчется и Макарка с Яшкой. Смотрит голыми глазами Макарка в веселые лица, и завистливая усмешка кривит похулевшие губы. Вот Мешков прошел твоей, петролинкой походкой с женой и сыном в красном галстуке. Промаячил, проходя быстрыми шажками,

мастер, знакомые рабочие. Каждого пристально разглядывает, и тоскливое, голодное чувство заполняет всего. Обернувшись поспешно к Яшке, раздраженно кринул:

— Ну, Яшук, в завод что ли опять? — Зачем? — враждебно отрезал Яшка, и часто-часто запыгал на месте, разгребая ноги.

Отворанные подметки глухо и коротко шлепали о мягкий снег.

Макарка молчал. Только стиснул в кармане билет на вечер и злобно начал растирать его между пальцами. Думали: обед будут давать по билетам, как раньше, а вместо обедов буфет выставили. И праздник пропал для обоих. Со вчерашнего дня не ели. Не до веселья.

В животе что-то урчало, переливалось серитам, отрывистым скрипом, будто тоже сердилось на праздник. Макарка останавливался, прислушивался к этому переливу и красными, избыточными пальцами то и дело поддегивал сползающие штаны.

От двери со смехом шархнула толпа ребятнишек. Кринул в них матюгом Макарка и ткнул Яшку: — Идем, куда говорил, черт с ними!

Засунули руки в рукава и быстро зашагали от завода. Рабочих попадало мало. Справа по дороге прогудел черный легкой автомобиль с длинными светлыми глазами и круто завернул к заводу.

— Докладчики приехали, — подумал Макарка, зарываясь в глубь темнеющей улицы.

Впереди завыли молодые голоса.

Поравнялись с клубистами. Кой у кого мелкая в руках бадаляшка. Задние в больших, белых узлах тащили костюмы для драмкружка. Лиц не было видно. Слышались задорный, здоровый смех, свежее голося.

— Ну, братва, смотри, не подгайть чтобы, — услышал рядом с собой Макарка веселый окрик.

— Андрей? — пронеслось в голове. Остановился. Остановился и фигура рядом.

— Воронов! Ты? Что-ж удивляешь.

— А тебе что, — раздраженно крикнул Макарка, угрюмо разглядывая в темноте лица Авддея и подходящего Васьки.

— Да так: я с тобой по делу хотел. Слыхал, тебя из союза исключают за хулиганство.

— Ну, и черт с вами! Исключайте!

— Смотри, Воронов, хранишь, а потом заплачешь. Сейчас за тебя яичка хлопочет, а исключат—с завода затремшишь. Ведь, ты не работаешь ни черта.

— Ну, а тебе-то что, ну. Гоните. Хотя сейчас гоните,—злбно зыкричал Макарка и, не дожидаясь ответа, быстро стал догонять Яшку.

Васька крикнул ему подождать, сам кинулся за ним, Макарка не оглядываясь. Андрей молча посмотрел ему вслед, и тихо пошел к заводу. Думал о Макарке. Опять попржему хулиганить начал. В мастерской опять час за работой, три— в разговорях. Опять начал рваться в карты.

— Ведь совсем наш парень был, совсем исправился, а теперь... Он поспешно остановился и долго смотрел в макаркину сторону. Голова гудела, сердце сжимали тяжелые думы.

— Ты что—остановился и Васька, — думаешь, вернется?

— Не вернется, так вернись надо,—сердито вскинулся Андрей. Ведь, сами виноваты, вся яичка виновата. Просил, просил работы, не дали. Привыкай, дескать, так—и привык. Этот Валька еще доканал. Подожди! Тебя-то мы еще азгреем за школу! —погрозили он кому-то в темноту.

— А Макарку как? Исключат?

— Бюро уже исключило. Надо отставить, чтоб с завода не гнали, а то пропал. Да в обработку его, как следует. Во что бы то ни стало в клуб затащить, хоть силой. Хоть и трудно теперь, да ни-черта, парень толковый.

...А Макарка догнал товарища и пошел рядом. Встали возле низенького домика, подозрительно осматрелись.



... Остановился на берегу Москва-рки, задумчиво смотрит на сверкающий овнами корабль, не заметив, как свайки нагнали целая орава.

— Нынче важно: на праздник ушли,—защептал Яшка в лицо Воронову.

Тихо пробрались на маленький, глухой дворик и замерли. Над головами серело снежное, грязное небо. Голы-то дворов за пять, глухо и лениво лаяла собака, и кроме этого лая ни один звук не пугал напряженной тишины. Два окна, выходящие на двор, заливались изнутри желтым светом, но за белыми занавесками ничего не было видно. Яшка взял Макарку за рукав и, стараясь не скрипеть, заскользил к темнеющим сараям. Он то и дело останавливался, вслушиваясь в морозную тишину и тихо бормотал Макарке:

— Я давно следил... один не хотел...

Легко под навесом.

Вошли под навес. Пахло затхлостью, лошадиным пометом. Большая, покатыя

крышка низко свисала над входом. Макарка споткнулся—под ногами резко застучали мороженые катышки. Напряженно затили. По спине—легкая дрожь. Но тихо во дворе,—слышно, как глухо стучит сердце. Опять зашарила. Прямо—хоть глаз выколи. Часто оборачивались и на выходящий свет разбирали предметы. В углу стояла крепкая, двухколесная тележка. Макарка тронул тихонько за ручку, тележка скипнула и легко завернула к выходу.

— Трескачка обещала червонец дать,—ободряюще заметил Яшка, но в голове чувствовалась дрожь.

Взялись оба за переднюю перекладную и мягко покатили на двор. Выехали на снег. Колеса затннули скрипучую, звенящую трель. Свернули к забору. Глаза напряженно смотрят вперед на светащийся выход в воротах. Ничего не слышно, кроме скрипучего шестеста колес, но Макарке казалось: это нарочно затанялась жуткая тишина, чтоб после сильнее разорваться криком. А в переключатом шестесте колес слышался скрип отворенной двери. И повнею косился глаз на желтые прямоугольные окон. Ближе, ближе спасительный выход. Расширяется в прорезе калитки улица. Но что это. Ребят так и застыли. Еще лучше обступила тишина и в ее напряженном молчании уже внятно тонко и певуче заскрипела дверь.

— Ии-и-и-и.

Резко, будто выстрелом, ударило в грудь. Плотно прижались к забору. Лихорадочный взгляд на крыльцо. Макарка жадно впился в опоясанную белым фигуру, видел, как она шевелилась, будто вперед наклонялась, чтоб рассмотреть лучше. С минуту все напряженно молчали. Молчала темная фигура, молчал Макарка. Только чувствовал, как в груди что-то росло, набухло, будто пузырь какой, и от его расширяющихся стен, тяжела тупая боль выростала в груди. В сознании с головокружительной быстротой мотались два слова:

— Увидет или нет. Увидет или нет.

Словно чувствовал на себе два враждебных глаза, вздрогивал, пытался наезд, но забор не пуская. Холдел Макарка, вытягивался на цыпочках кверху. А в груди больше и больше давила гнетущая напряженность. Казалось, невидимый пузырь выростал больше, шире.

Тонкие стены растягивались, звенели и вот-вот не выдержат, лопнут. Проверь машинially по лбу, рука стала мокрая. Чувствую—еще минута, две... и не выдержит, закритич... но темная фигура зашевелилась, опустила ниже и твердо, равномерно заговорила:

— Хруп.—Хруп...

Макарка вскрикнул, рванулся мимо тележки и—к воротам. В ушах зашвыстел ветер. За ним часто закрипел и Яшка. Длинная, темная улица глубже засасывала беглецов.

НА ФОКА-РЕЕ

Рассказ Е. БЫВАЛОВА. Иллюстрации А. ЛАПТЕВА



Джонни Рушь обмер. Над ним что-то гигантское... Вдвух-трех шагах масса парусов громадного судна...

I

ВОТ УЖЕ два месяца, как трехмачтовая шхура „Sweet Home“ вышла из Вальпарайо. Штурмует. Погода стоит отвратительная. Холодно. Изредка идет снег. Команда измучилась. Почти у всех на руках волдыри, ссадины. Морская вода разбегает.

— Собачья жизнь,— ворчит Мак-Гиль. Сейчас ветер немного приле. Горизонт подозрительно потемнел. Вдруг снежный шквал.

— Держись,— кричит Джонни Рушь.

Он на правом коке, уцепился за рею. Джонни Рушь—русский матрос, потемкин. Настоящая его фамилия—Пидопри-Гора, он много лет плавает на американских и английских судах. Фокарсель треллет так, как будто каждый квадратный фут его парусины хочет вырваться на волю. Мак-Гиль орет:

— Крепче держись!

Двенадцать здоровенных молодцов, работающих на фокрее грудью навалились на парус. Двенадцать паркур живыми клещами сжимают этот проклятый фок. Джонни Рушь казался, что ему ни за что на свете не удержать этой анафемской парусины. Вот-вот ее выпустит. Навалились. Горят мускулы. Ноют руки. Из-под ногтек сочится кровь, а ветер леденит легкие. Канак „Маппи“ бронзовое дитя тропиков, дышет с трудом.

— Какой maledetto ¹⁾ холод,— ругается итальянец Джованни.

— Держать. Перебирай. Очисти... Или я вытряхну из тебя душу...— доносится голос Мак-Гиля.

¹⁾ Проклятый

— Сезень... ²⁾ Скорей. Передавай сезень,— кричит Джонни Рушь.

— Обноси... Мать твою в трезель... Я держу коней.

Итальянец Джованни ворчит что то о плочуих гробах. Старается закрепить обледеневший, спутавшийся сезень. Ветер вост в такелаже.

„Sweet Home“ несется, как угорелая. Метель пронеслась. Темно. Зги не видать. Далеко внизу гребни сердитых, холодных волн, да у корпусных шхуны белое кружево пены.

II

РУБИНОВЫМИ яркими блестками ложится на воду отличительный красный огонь. Горит ярко, отчетливо. Ему нет никакого дела до штормов, ураганов и снежных метелей. Что ему до всего этого? Его дело—гореть так, чтобы его видели. Джонни Рушь, Канак, Маппи, Джованни, Мак Гиль и другие никогда не приходило

в голову, что пару недель спустя им придется под присягой показывать, что красный огонь у них был в исправности, горел ярко в эту проклятую ночь.

После нечеловеческих усилий матросам удалось обнести сезень вокруг реи. Хрипит Джованни. Потнутаесь. Хочет передать коней Джонни Рушь. Вот вытянул корпус, мускулы напряглись.

— Где коней? Давай сюда!

В ответ молчанье, а секунды две спустя, вдоль реи пронесся крик ужаса. Дикий ветер подхватил этот крик, разметал по бесконечной пустыне океана. Джонни Рушь обмер. Над ним что-то гигантское. Дико завыл. Едва сообразил. Вдвух-трех шагах масса парусов громадного судна. Оно неслось прямо на „Sweet Home“. Итальянец впился в плечо Джонни Рушь. Губы поблели. Шепчет что-то непонятное.

С трудом разобрал: „Погбили“. Вмозг проносилось— „Крышка“. Зажмурил глаза... Замер.

Прошла секунда. Показалось, что его подбросило. Сорвался. Все произошло с такой головокружительной быстротой, что не успел ничего сообразить. Не было того ужасного толчка, которого ожидал. Случилось чертовски что-то странное. Дрожит такелаж. Запели фордуны. Зазвенели стальные шпаги. Что то трещит. Тррахх... Сломалось. Верхний фок-марсель, словно гигантская птица, мелькнул в воздухе. Джонни Рушь открыл глаза. Незвестное судно исчезло. Люди уцепили чудом.

¹⁾ Сезень— снасть, которой ухватывают паруса.

III

КОМАНДА возилась целую ночь на пролет. Только на рассвете удалось кое-кому забраться в кубрик.

— Стонадцать чертов, ну, и погодка,— ругался Джонни Рушь.

Марса рею обломало, бушприт в ще

пы... Джованни встали:

— Стаксель и кливера ¹⁾ порвать в лодьях.

Добродушный толстяк Книг буркнул:

— Бай, джинго. Все это такие пустяки, о которых стыдно говорить порядочному матросу.

Судовой плотник, швед Петерсон—прохрипел:

— Я не знаю, что вы называете пустяками, но я знаю, что нам не удастся отдохнуть до утра, придется ставить новый марсель ²⁾. Капитан, чтоб черти коптели его душу, разве он даст отдохнуть? Что он—сукин сын—это правда, но что он хороший моряк, это тоже правда, иначе мы бы тут не говорили...

— Пусть я никогда не увижу моря... Если это не голландские штуки!— пробормотал Мак-Гиль.

— Когда ты перестанешь верить в этих летучих голландцев?... Так думать могут только старые кашелоты...

Мак-Гиль перебил:

— Я думаю о том, что видел собственными глазами.

Джонни Рушь улыбнулся. Протянул плиту табаку. Он уже давно не верит этим сказкам.

— Ну, не злись, Мак, не стоит...

Мак-Гиль откусил. Заложил за щеку. Сидит слепяну. Бросил:

— Всеякий знает то, что он видел...

Китаец Чао вмешался в разговор:

— Одна раз мы чуть не сделали крак с английским судно. Шибко большая судно... Он и мы держат к ветру... Близко... шибко близко... Каптан кричи: убрать фок... Мы бежать на рея... Англичаиче жодет. Когда Чао работат на лок ³⁾, я мог даже мой рука за английский матрос.

Мак Гиль с'язвил:

— А ты не спросил его адрес...

О, нявт, Чао и так знай. Он иметь красные волосы и нос, как слива... все равно вы... до-хо... Моя была близко, шибко близко. Чао иметь большая страх...

Джонни Рушь спросил:

— Значит, все в порядке?—видишь,

Мак, бывает, что и не сталкиваются.

Мак буркнул:

— Бывает, конечно, бывает, а когда напорешься на судно, как судно; а вот, когда на всех парусах черные кресты, как на этом... ночью...

— Вы—стараярыжная швабра,—озлился Джонни Рушь.

— Что?—вскрипел Мак-Гиль.

Madonna santissima! ⁴⁾ Я сразу понимаю, что это—летучи йголландец. Мой отец видел. Он видел его на мысе

¹⁾ Парус.

²⁾ Парус.

³⁾ Конеч рея.

⁴⁾ Святая богородица.

Гори. Руль поломал. Шкипер думал, есть течение... Тогда все шкипера так думали. Если идти ближе берега—вода бежит из Атлантики в Тихий океан... пускй ветер дует прямо в лоб—это ничего... Отец думал—Finisch ¹⁾ спасения нет... много льда... скалы...

— Ха, ха, ха... — смеялся Джонни Рушь—да разве мыслимо верить такой ерунде!

Мак Гиль не выдержал:

— Слушай, ты. Я не знаю, что у вас в России, во что там верят. Но пусть черти заберут мою душу, если ты сам не говоришь, что он задел такеджем за нашу фока-рею... А ты, помень итальянской макарона и чесноку, разве ты не говоришь, что у тебя от страха в брюхе замерзли кишки?

— Si,—si ²⁾. О, да. Это верно, но это potu, что это malefetto bestia ³⁾ пролетел мимо нас под всеми парусами... Я никогда такого не видел...

— А может, со страху показалося.— явнт Джонни Рушь.— Я не знаю, какой сукин сын может нести такую кучу парусов в такую несудешную погоду.

IV

В КУБРИКЕ сыро и душно. Судовая лампа, прикрепляемая цепочками, болтается во все стороны и коптит. Переборки поскрипывают...

— Годдам... На порядочных судах люди спят, как люди, а тут, на этой паршивой посуде, приходится болтаться в проклятой люльке.

Это ворчит Петерсон, ему до-смерти надоело качаться в висячей койке.

Черный Чарли шепчется с Джонни Рушь; перемигиваются. Мак-Гиль заметил: — Вот вы, русские, смеетесь, ли во что не верите, а вот спроси у черномозга, он наверное видел черные креслы! Чарли отве-
тил:

— Что судно иметь все паруса, это ясно как пистолет и его бабушка, а креслы я не разобратъ, может, это заплаты... Когда на море ночь, тогда все о очень большой... Страх тоже есть большой...

— Послушай, Мак—не вытерпел Джонни Рушь, неужели же ты, проплавши и й всю свою жизнь верить в эти бредни?..

— Я верю во что хочу...—огрызнулся старый моряк.— Я верю тому, что я слышал

в кубриках и на вахтах от старых матросов с океанских кораблей. Я, например, твердо знаю, что этот голландец должен плавать до страшного суда между мысами Гори и Доброй Надежды. Это их наказание. Они совершили страшное преступление. Никто из команды—ни шкипер, ни штурман, ни боцман, ни матросы умереть не могут, им нельзя. В этом их наказание.

Вдруг дверь приотворилась... Появился боцман... Здоровый, плечистый.

— Выходи несколько человек... Вались к фок-пику ¹⁾. Мы положили его там.

Порывом ветра рвануло веревку. Зыбью ударило в стенку рубки... Задую огонь... Стадо жутко... Люди сбились в кучу. Боцман крикнул:

— Эй, вы там, оглохли кто-ли?..

Посыпались удары, заработали кулаки... Заворо дерется боцман... Кто-то очутился на палубе... Джонни Рушь крикнул:

— Ну, ты, рыжая швабра, живо! Эх: вы трусы!

Несколько матросов подошло к фок-пику. На люке лежал человек...

V

ШТУРМАН м-р Смит нагнулся... Искал признаков жизни.

— Бай джинго! ²⁾—вырвалось у черного Чарли.—Откуда он взялся?

— Заткни пасть,—прохрипел Петерсон...

— Мертвец... О, чорт... Это не к добру...—буркнул Мак-Гиль.

— Штурман прикрикнул: — Эй ты, рыжая суевренная каракатица... Помогай растегнуть.

¹⁾ Передний якорь.

²⁾ Восклицание.

Матрос подошел ближе. На люке лежал моряк. Глаза закрыты. Улыбка потонула. Лицо, как мел. Нагнулся, растегнул короткий дождевик. Показался темно-синяя вязанка. Пропитана кровью. Штурман приложил лицо к жесткой вязанной рубашке. Подошел Джованни, спросил:

— Кто-нибудь убился?..

Чарли ответил: — Нет, это чудой, с того судна.

Итальянец появился. Забормота. Штурман поднял голову. Лицо сосредоточенное. Джонни Рушь спросил:

— Как вы думаете, м-р Смит, очнется?

— Не знаю,—протынул штурман.

— Странно. Боцман, как он попал к нам под палубку?

— Голова, сэр, воткнулась меж дулюком и бухтой стального троса, сэр, а ноги задралась на шпиль.

Штурман покачал головой.

— Я пошел, сэр, посмотреть, все ли в порядке, не смогалось ли что после столкновения, и увидел его тут.

Смит прошептал:

— Прошло много времени, неудивительно, если он и умрет.

Резко оборвал. Сделал каменное лицо. Заметил рослую фигуру капитана. Вайта. Капитан не любит, чтобы с командой разговаривали. Лишняя фамильярность. Команда его терпеть не может.

Репутация у него неважная.

Подойдя ближе и бросив беглый взгляд на распростертого матроса, капитан крикнул:

— Убрать этого болвана к плотнику. Стюард, воды и губку! Живо!

Матросы бережно сняли с люка безжизненное тело. По-нели.

Так несут только покойников. Подошли к каюте Петерсона. Там помещается мастерская. Шпел открыл дверь.

Вдруг громадная волна с грохотом переборсилось через бок. Десятки тонн воды, пеня, брызг.

Люди укрылись за каютой. Никого не смело, но обвало здорово. Промокли до нитки. Вдруг итальянец крикнул: — Он живой...

Кое-кто шаркнулся. Незнакомец приоткрыл глаза. Удивленно повелим вокруг. Закрыл. Черный Чарли почувствовал и ошепнул:

— Пусть издохну, если из него не выйдет хорший й покойник, теперь ему фелишь... Я знаю, он вытянул ноги...



Двенадцать пар рук живыми камнями сжимают этот проклятый фок.

¹⁾ Колец.

²⁾ Да, да.

³⁾ Проклятое животное.



... На всех парусах крест, я сам видеть... Я сразу понимаю, что это летучий голландец

Они всегда так делают... Им иначе нельзя.

Джонни Рущ буркнул:

— Неужели же парень отдал концы? Жаль. Чарли, дай-ка сюда немного стружек!

Приподнял голову матроса.

— Подкладывай, живо!

Вдруг тот застался. Скрипнул зубами. Губы зашевелились. Джонни Рущ нагнулся, и услышал едва уловимое: «O sacre d'âne porre!», это было любимое ругательство французских моряков.

VI

ЖАК-КУРТО—матрос. Родился на островах Королевы Шарлотты. Он делал свой последний рейс на большом пятипалубном судне из Ливерпуля. Шли в порт Филипп. Теперь ему много лучше, хотя голова еще в марле. Здорово смахивает на индийского раджу. Штурман удачно зашил ему дыру за ухом. Стакан старого портовейна и морской воздух делают свое дело. Он заметно поправляется. Сейчас он лежит на люке. Легкий ветерок ласкает его большое смуглое тело.

— Может, и поправится, — буркнул Мак-Гиль. Джовани вздохнул:

— Его дело дрянн... Ему далеко ходить пешком от Австралии в Иерусалим.

Канадец открыл глаза. Повидимому, не понимая, в чем дело. Спросил:

— В Джерузальм... Зачем? Я работал на рее, когда вы на нас налетели... Меня что-то треснуло по голове и я сквырнулся вниз... Я же вам говорил: мы шли с грузом земледельческих машин в порт-Филипп. А вы пристаете ко мне с Джерузальмом... Я не черная раса...

— Значит, вы не собирались туда? — спросил итальянец.

— Какого черта мне там делать? — озлился Курто.

— Что делать? — крикнул Мак-Гиль: Замалывать грехи!

Подожел вплотную. В глазах полдозреие.

— Ты говори только правду, чтоб черти коптали твою душу, на ваших парусах были черные кресты?

Канадец сдержался:

— Кресты? Ннет!

Джонни Рущ спросил:

— А что у ваших ребят во лбу были глаза или дыры?

Канадец смутился — стал оправдываться:

— Клянусь требухой, мы очень хорошо смотрели вперед, во все глаза... Смотрели в оба... Как следует... Но разве можно было что-нибудь видеть в такую проклятую ночь?

Джонни Рущ вступился:

— Ну, какого дьявола ты к нему пристаешь со своими крестами? Видишь, матрос такой же, как и ты... Вбил себе в свою рыжую голову этого дурацкого Голландца... Я не спорю, этот Голландец может быть, когда-либо и существовал. Возможно, что это не сказка... Повидимому, он был умным, толковым по тем временам шкипером, знал то, чего не знали другие. Умел пользоваться экваториальными течениями... Знал о существовании пассатов... Вот, чем объясняется его быстрое появление то тут то там... Темные, безароматные, суверенные моряки за это окрестили его «Летучим Голландцем»... Это еще такие старье, ржавые уключины, как ты, Мак-Гиль, могут верить в этукую чушь... Мы давно уже выросли из этого... Мы не верим в эти бредни...

Молодой штурман стоит в стороне. Облокотился. Слушает внимательно. Внезапно спросил:

— Скажи, Курто, ваши отличительные огни были в порядке?

— Да, сэр, они горели, как следует...

— Ярко? — спросил Смит — Может, они коптели?

— Нет, сэр, но мы убавили огни, а когда заметили вас, тогда приказано было прибавить... Но в эту ночь, разве можно было что разобрать.

— Да, пожалуй... — согласился м-р Смит.

На другой день Жака Курто позвали к капитану. Допросили. Записали его показание. Канадец вышел, как из бани.

— Ну, и шкипер, ругался Жак Курто — сколько плаваю, но такую грубую скотину я вижу в первый раз.

— Я плаваю не меньше вашего, но убей бог мою душу, если я помню, чтобы кто-нибудь сваливался так неожиданно откуда-то сверху на чужое судно, как вы... Так могут являться только каннады.

— O la, la! — смеется Курто.

— Или летучие голландцы, — язвит Джонни Рущ.

VII

„SWEET HOME“ благополучно пришла в Сидней. Капитан Вайт заявил протест. Команду опросили. Курто рассказал все, что знал об отличительных огнях. Аварийная комиссия постановила:

— Шкиперу Ливерпульского судна уплатить капитану Вайту издержки по ремонту за все повреждения.

Жак Курто служит рулевым. Бравый матрос. Жизнерадостный парень. Весельчак. Служился с Джонни Рущем и другим. Мечтает собрать денег и, придя в Америку, кутнуть на славу.

Мак-Гилу здорово надоело насмешки Джонни Рущ относительно „Летучего Голландца“. Решил бесповоротно:

«Как только приду в Нью-Йорк, явлю расчет».

— А я домой, в Россию, там для нашего брата работа найдется, — смеется Джонни Рущ.



Жак Курто служит рулевым. Бравый матрос, жизнерадостный парень. Весельчак.

ТАТАРБУНАРСКОЕ В О С С Т А Н И Е

Статья Н. КАНИНА

В БЕССАРАБИИ, в ивнешней тюрьме, при закрытых дверях суд румынских палачей решает сейчас участь 500 бессарабских крестьян. Эти 500 подсудимых — из села Татар-Буваря, Гагешт, Николаевки и других. При закрытых дверях, забаррикадовавшись от общественного мнения, румынская буржуазия пытается сейчас доказать, что эти 500 крестьян вместе с остальными крестьян, костью которых усены берега Днестра, пытаясь «под руководством большевистской Москвы» создать в южной Бессарабии Советскую Республику.

«Москва» — это слово не дает покоя буржуазии...

НЕИМОВЕРЕН, неизвестно гнет румынской буржуазии в Бессарабии. Более 2.000.000 крестьян, жителей благодатного края, где бушует черемуха дым и гом хоронит урманка до 130 миллионов пудов экспортной пшеницы, стоят под тяжестью непосильных налогов, национального угнетения и мажарского произвола. За 8 лет власти румынских помещиков и капиталистов бессарабских крестьянин дошел до крайней степени нужды и отчаяния.

Немедленно после оккупации румынами Бессарабии назался, под флагом умиротворения, румынизация края.

Вст несколько характерных фактов, ярко показывающих методы этого «умиротворения».

Жители села Динуюч чем-то не угодили румынам. Румыны для «умиротворения» послали карательный отряд. Но командованный отрядом офицер смешал Динуюч с селом Данюич. Приехал в Данюич, он созвал крестьян на сход в воскресенье вымороз розгами 85 человек. Затем, выйдя ошибкой, пошел отпугивать в Динуюч и там вымороз уже 285 крестьян.

Командант гарнизонов местечка Елпидия, капитан Димитру, издал следующий приказ по населению вчерашнего му... для умиротворения округа: «Приказываю жителям как мужского, так и женского пола при встрече со мной и моими офицерами сползать с тротуара и, отступая на три шага на мостовую, с вострым и героическим видом приветствовать нас приложившись рукам к головному убору. За неисполнение этого приказа виновные будут наказаны розгами трижды, до потери сознания».

Одновременно с этим, бессарабское крестьянство было похищено громадными налогами на голодный паек. Отгачиваемые навозом и вострым восточничеством предпринимателей (сборщиков налогов), крестьянское хозяйство быстро разорялось. В городе рабочие организации всячески преследовались и притеснялись. Рабочие и крестьяне гду выполнялись.

В результате, в январе 1919 г., разразилось Хотинское восстание. Рабочие и, главным образом, крестьяне с оружием в руках поднялись скинуть с себя румынскую буржуазию. Две недели востанвшие держала Хотинский уезд в своих руках. Но пришла румынская востанвшие войсковые силы, и восстание было задушено. Начался расправ. Огнем и мечом прошли карательные отряды по бессарабским селам, востанвшие оставили за собой кровавые слезы. В селе Неабуваку из 600 домов осталось не больше 50. В Рускине

сожжено до 300 домов. Село Атаки сожжено на три четверти».

В г. Хотине командант созвал население как-будто бы для объявления приказа. Собранный около 500 человек были окружены солдатами и расстреляны из пулеметов.

Официальные сообщения о событиях в Хотине гласят: «Большевистское движение в Хотинском уезде погашено. 7 человек сравнены с землей. Убито 5.000 человек. Миссии ваших войск продолжатся».

Всего было убито за время Хотинского восстания 11.000 бессарабских крестьян.

Еще темнее нависли тучи над Бессарабией после этого восстания. Тысячи крестьян наполняли кошмарные востанвшие тюрьмы. Производ румынских захватчиков полагал небывалых размеров.

Обвиняние крестьянства продолжалось со все ускоряющимся темпом.

Ко всему этому прибавился страшный неурожай 1924 года, когда хлеба было собрано в 4 раза меньше, чем в средние по урожайности годы. Громадное недовольство крестьян вылилось, наконец, в форме открытого восстания.

В НОЧЬ с 15-го на 16-е сентября 1924 года крестьяне Аккерманского и Измайлоского уездов встали. Восстание началось в Татар-Буваре и Николаевке, затем перекинулось на ряд соседних сел. Крестьяне выступили с крайними требованиями и провозгласили Советскую Республику. Южная Бессарабия на несколько дней почувствовала себя свободной.

Румынские газеты узнали о восстании только через три дня. Министерство иностранных дел издало следующее официальное сообщение:

«Востанвшие стаяка, переплывавшись на ватер с русского берега, атаковала села Татар-Бувар и Николаевку на юге Бессарабии. Власти востанвшие немедленно порядок. Население оказало всеобщее содействие востанвшим».

Румынская буржуазия пыталась предотвратить стихийное восстание крестьянства всей южной Бессарабии за простой вылет какой-то шайки «в 60 человек».

А тем временем военное министерство приняло свои меры. Была приведена в движение вся военная машина. К месту востанния двинулись



Жертва расправ.

многочисленные отряды румынской армии с кавалерией и артиллерией, по Днестру была придвинута дунайская военная флотилия и востанние было потоплено в крови. Огнем пожарищ, гром артиллерийской канонады и криками беззастенчивых жертв наполнилась южная Бессарабия. Во время «напоржения порядка» было убито 1300 крестьян, снесены с лица земли артиллерийским огнем несколько сел, арестовано больше тысячи крестьян.

«В 24 часа село Татар-Бувар было разрушено. Нужно было дать пример, и он был дан»... писали румынские газеты.

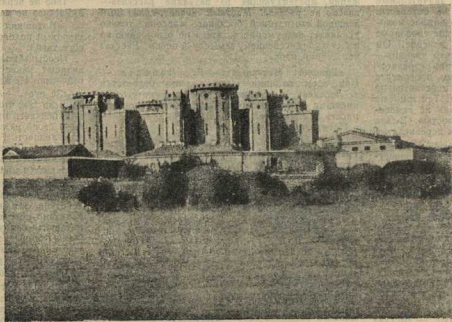
6 недель длилась кровавая оргия. Дикий разгул румынских карательных отрядов можно сравнить разве только с подавляющим революционным всплеском в Болгарии правительство кровавого Цанкова. Вот несколько примеров:

«В ночь на 28-ое сентября 1924 года аккерманская полиция арестовала 9 граждан, которые были убиты по дороге между Аккерманом и Шабо. Среди них находились и ученик Дмитрий Ахериков, в возрасте 14 лет; среди них также находился и гражданин Аркадий Стоянов из Шабо. Оба были убиты, их трупы брошены в ямы, вода которого вылилась из на берег через три дня».

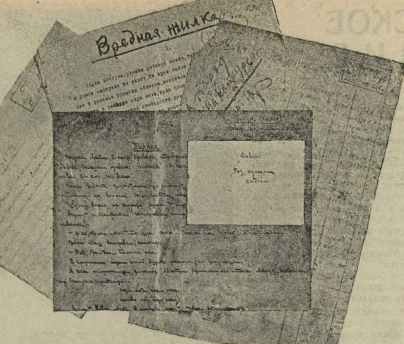
13 крестьян деревни Платовка были арестованы в конце октября 1924 года румынскими жандармами, выведены за деревню и расстреляны без допроса и суда. Командант жандармов вызвал из деревни фельдшера Петра Подору, чтобы тот констатировал смерть расстрелянных. Так как двое из них еще были живы, их приковали несколькими выстрелами в упор. После этого жандармы расстреляли и фельдшера для того, чтобы не осталось в живых ни одного свидетеля этого ужасного преступления.

Даже румынское общественное мнение востало против подобных методов «умиротворения». Послались протесты виднейших представителей румынской интеллигенции. Загромождена печать. Но карательные отряды уже ковыляли свое дело. Большинство народа было вырвано с корнем.

Вот что предствозвало теперешнему суду в Кишиневе. Румынская буржуазия истит востанвшим крестьянским



Тюрочка в Кишиневе.



А КОНКУРС

Отзывы жюри конкурса

сказки тов. Субботина. Все недостатки его того же характера, и снова перечислять их — зиния трагедия времени. Автору следует покаять поменьше писать и побольше читать.

М. ГОЛОДНЫЙ.

«Из мрака к свету» — Мухаммадина.

Рассказ, агитирующий за кооператив. Село — Угрю — дельца сибирская окраина, где властвует кулак Попатов. Но вот является неравнодушный со службы красновариец Савасов, и все злодейская пошла по нему, лучшему пути. В рассказе, что ни слово, то графит, трескучие фразы и проч. Автор не умеет даже построить предложения, и всюду замечается невнятность и сбивчивость.

2. «Неастанция» — Ильякина И.

Автор пытается разрешить одну из задач полого вопроса «что можно и чего нельзя?». Задать оказался не по плечу, рассказ никак новых истин не открывает, к тому же умеренность письма губит все.

Выверты, вроде: «первой кишиг вярды», «олимпийские знамя», «весь уклад в оборот», «жизни молча» — все это сплоскнута надувательство, желание сгешолить образом. Плохо.

3. «Сорная трага» — Макина И.

Рассказ о том, как комсомолец украл электрическую лампочку, но об этом можно только догадываться, из рассказа же совсем не видно, кто кого украл: комсомолец лампочку или лампочка комсомола. Писатель очевидно обиделся на комсомольцев Краевского ничем небесным и бездоказательно, всюду незлобой и неясности.

4. «Всейной» — Л. Матвеева.

В четвертые дни комсомолец Вася соблазнил комсомолку Катю. Прошло лето, возвращается Вася, но не один а с другой комсомолкой Марусей. Катя не переехала Васинью земли и повесилась.

Тема избитая по известной песенке: «Маруся отравилась». Обычная в низах мешанства, и совсем непонятная в среде комсомола.

Г. НИКИФОРОВ.

«Дряквой случай» — Рассказ С. Борзенко. — Брось полюбичать. Весть тебе ни к чему. Взяй писать ты можешь. А кроме того, зачем тебе писать, если ты уже будишь себя известностью?

Лучше погуляй бы над тем, как опрывать художественно и психологически поступки Сеньки. Почему он стал плох, потом хорош, потом опять плох. Для нас это незнательно.

«Мышка» — Бор. Дзизенко — 1) Не говори в рассказе никаких слов, скрайси, чтобы ты не стал героем повеления читателя сам. Саншом слязливо рассказывай. 2) Нарпосо застави ты своего героя во несчастья пережить в один день. В жизни такие совпадения бывають нередко, но описанные в литературном произведении кажутся невероятными, неестественными.

Тебе не верят. А ведь это — гроб для рассказа. 3) Рассказ не ват. Нужен современный быт.

«Наташнин выбор» — Девиз. «Давнество чести, злоровый половой подбор и учеба — основа будущих дел».

Необычайно искусственно. Не люди, а «катехизис» макне-то. Ован катехизис добра, другой — зла. На кодулах хромых твоих герои ходят.

«За что» — Анатолия И. Попов. — Рассказ написан так, что почти ничем не отличается от мильешиного протокола «об убийстве гр. Сеньки своей разведенной женой» и... да же дуждт. к личности Сеньки, его интрузивный вид, остающийся для читателя неизвестным, — недостаточное автор выявляет мотивы преступления, а это можно поставить в минус да же мильешиного протокола.

«Гришка гармонист» — И. Мамонтова. — До самого последнего момента — скучно — фиксированное действие. Зато к концу, вернее в последние главы налицо несвертыв много событий: изнасилование и два самоубийства. Не даю быта деревни. Ован скучные, тугиче Гришкины переживания, шаблонно к тому же изложенные.

Главные действующие лица поступают неестественно.

«Гришка хотел учиться, потом жениться, потом опять учиться; а в результате поступил без всяких видимых мотивов на жел. дорогу.

Зачем автор повсюду бегает топтать своих героев? В Рассказе и без того много вдов. Саншом много.

Р. РОМАН.

Рассказ «МАРТ». — Девиз: Идите с уymbok*. В художественном отношении — безусловно, поверхностно. С основной мыслью автора согласны только те, кто не знает, между тем все специально подогнан весь рассказ.

Написана вещь литературно грамотно, опытным, понимающим, человеком. Начало значительно лучше конца.

Рассказ — Опанзин. Изобразительными средствами автор совсем не владеет и, повидимому, полагает, что рассказом может называться все, что рассказывается при встрече досужих приятелей.

В данном случае, автор не повалил даже до такого уровня, а его рассказе отсутствуют все обороты, свойственные живой речи.

«Жертва быта». — Ш. Карпова. — Тема интересна, но выполнена очень неровно. Автору следует работать. Использовать можно как очерк. По началу можно слушать, что автор умеет пользоваться литературным приемом, создавать колорит. Внутренне сюжет вполне закончен и представляет известную художественную значимость.

«Нет возможности». — Тема — перерождение. Нужно отходить, но нет возможности. Нет также возможности присутствовать автору премно.

О рассказе «Митрошка». — Девиз: «Лицом к деревне». Рассказ, несмотря на значительные технические несовершенства, все же интересен. Автор, взяв тему самой большой попойки молодежи (половой), сумел показать, какие уродливые формы принимает она зачастую в деревне. Он сумел также подметить причину этого явления — там, где комсомола слаб, где секретарь «стреляет» за попойку и мельничкой дочерью, прогоясь с собраний пастуша, да всякой действительно просветительской работы не ведется. Там и имеют место эти уродливые формы. Рассказ не тенденциозен и подкупает своей правдивостью. Выход направившая сам собой «Лицом к деревне», что автор и поставил своим девизом.

Может быть напечатан в журнале, подвергшись редакционной правке.

В рассказе ряд художественных недостатков. МАРК КОЛОСОВ.

Рассказы «Хуторские будни» и «Его благоверность». — тов. Орлова (вернее очерки, и очерки слабые) не приемлемы. Автор, видимо, очень молод и, не в обиду ему — весьма юнок. Комсомол же теперь, не только радостные моменты жизни, но и мирная широкая река мудрости. Рабочему юнцу нужно давать уже то, что может намуричь его брови и лоб; ему нужно то, что может его возлювать.

Девиз: «Дашь комсомолку» — рассказ «Сон». Написан языком и приемами, которые могут заинтересовать подростка 14 — 15 лет, но никак не старше.

Автор, мне кажется, с известными данными, но, видимо, отнюдь не знаком с техникой рассказа («зарослого»), а техника в литературе так же важна, как техника в производстве.

О рассказе «Плохая мышка» — Г. Куренко. — Раньше плохие авторы рисовали египетское благополучие мешанской семьи с неизменным торжеством мешанской семьи.

В наше время многие начинающие авторы, совершенно не изменив способа стройки рассказа, пишут вещи, в которых борются: семейное мешанство и общественные идеалы, с неизбежным торжеством второго.

Конечно, ничего убедительного как в первом, так и во втором случае быть не может.

Банальная зарисовка героев рассказа может увлечь читателя только в безлестности автора. Автор разбираемого рассказа гадким языком сделал рассказ типа вышеупомянутого: психологически, художественно, примитивно.

О рассказе «Обратное пропорционально». — Художественное произведение — литература существенно отличается от публицистики своим приемом убеждать. Публицистика через доказывание показывает (убеждает), литература, наоборот, через показывание доказывает. Убеждать — художественно-распространительная, а не лишние общественно-принятые разговоры, вот оружие и прием рассказа. Автор этим оружием не пользуется.

И. УТКИН.

«Пьяныя» — Девиз: «Под красным стягом». Семьдесят — восемьдесят незлобных предложений, претендующих на название рассказом — далеко не рассказ. Мертвый диалог, скрашенный дешевой стилизацией босяцкого жаргона, только усиливает неугодное читателю по отношению ко всему художественному замыслу в целом. Рассказ незначительно плох.

«Гришка Матерный». — Г. Лебедев. — При всем желании можно указать недостатки т. Лебедеву, невозможно, ибо рассказ его не имеет ни одного достатка. Следует ли продолжать писать т. Лебедеву?

Пускай не следует.

«Вася Кокошкин» — рассказ С. Субботина. — Главный недостаток — рассказ, вернее незначительное изложение из жизни услужливого клуб РДКСМ — это мелочность замысла и предвзятое тенденция. Автор меланхолично и скучно рассказывает то, как комсомолец Кокошкин во время канниварского отпуса берется поднять работу в клубе, но, случайно встретившись с комсомолкой Григорьевой, заводит с ней разговор о «пощеду» — и вдруг становится роковой жертвой последнего. Но этим дело не заканчивается. Автор не решает оставить комсомолца в таком затруднительном положении. Как же это, — слышит комсомольский читатель, — вы осмелились т. Субботина, погубить braveго комсомольца? И т. Субботина, кричит, тащит его в чистилище. Автор плохого мнения о своем читателе. Я тоже же kidding о его рассказе.

«Пронтыря» — рассказ Д. Гребенкина и в.в. Несомненно, что рассказ Дзизенко является близнецом рас-

„СМЕНЫ“ НА БЫТОВОЙ РАССКАЗ

СОРОК РУКОПИСЕЙ

ПРЕДО МНОЮ папка с 40 рассказами. Сколько времени и сил, нервов и... бумаги истратено.

Свердлов, Ташкент, Минск, Харьков—Вон какие концы до Москвы отмахали эти то аккуратно сшитые, переплетанные на машинке, то выхристые, как их владцы, трепанные рукописи.

А какое обилие тем! Половой вопрос. Переругука. Нэл. Еврейство провинциальное. Самогон,— не перечислять!

И каждый автор, склоняя спину над неукоренными фразами, душой подметит самый большой узелок в прище наших дней, чтобы показать, как этот узелок распутать. Ведь не премия же прельщала.

Конкурс был лишь точкой, а начинало давно. И все-таки конкурс не дал больших результатов.

Лишь два рассказа из 40 можно выделить, и лишь один из них—премировать.

В чем дело? Мало одного желания увидеть в том или другом своего читателя, мало выбрать подходящую тему,—надо эту тему оформить в художественное произведение. А вот этого-то и не хватает повзвращающему большинству рассказов.

НА ПОЛЯХ

рассказа. Обратно—пропорционально числу жюри т. И. Уткин написал: „Лубяницкие черепки доказывают показывать (убеждают); литература, наоборот, через показывание доказывает. Убежденная художественная красочная картина, а не длинные общественно-принятые разговоры—вот оружие и прием рассказа“.

С этим приходится полностью и целиком согласиться.

И вот по этому-то соображению забраковано много рассказов. Беру на выдержку один: автор пишет о том, как один активист перемогается и за 6-8 сл. неврастивает.

Вместо того, чтобы показать, как этот активист работал, вместо того, чтобы дать ряд сл. писать, автор думно и утомительно рассказывает о симптомах неврастивания и о том, что неврастивание это появилось на почве переутомления, и что активисту это все очень неприятно.

Прочтешь так рассказ и ничего в голове не останется, кроме скуки.

Нет живого человека, нет живого действия. Одни рассуждения, „общественно-принятые разговоры“.

Это—первое.

В рассказе каждое действующее лицо должно жить, оно должно быть показано во весь рост; в результате всей вещи читатель должен иметь перед собой полную законченную картину, художественно-убедительную и ясную. Так или это обстоит в забракованных рассказах?

Вот возьмем хотя бы рассказ „За что?“. В нем рассказывается, как комсомолец убил свою жену. Однако, автор вместо того, чтобы написать полный рассказ, пишет произведение, которое можно скорее назвать „актом дознания об убийстве Геннадия К. своей разведенной женой“. Это „акт“ к тому же страдал большой неполнотой. В конце-концов не ясно, как комсомолец дошел до мысли убить жену. Это сюжет даже сам автор, когда говорит в конце: „Лишь не зная Генку, мы не могли хорошо объяснить его поступок“. „Лишь не зная“. Вот в том-то и дело, что

читать к концу рассказа должен знать героя лучше, чем если бы он был его братом. Должен проникнуть во все устои существа героя.

Или вот рассказ „Сорная трава“, в котором рассказывается о комсомолке, укрывшем застращенную лампочку; но об этом можно только догадываться, из рассказа же не видно, кто кого украл: комсомолец лампочку или лампочка комсомолца. Постановление ячеек об исключении Красного ячеек не объяснено и бездоказательно,—печать вломовани и неясности. Так почти тоже ислеза. Это—вторая причина забраковки большинства рассказов.

МНОГИЕ авторы не умеют развертывать сюжет. Лучше всего это можно увидеть при разборе рассказа „Гришка-Гармонист“. В нем автор на 20 страницах утомительно рас-

К чему это?

Какой, например, толк в этих словах и синтаксисах в общем не такой уж плохой рассказ, как, напр., „Ярковий случай“? Помогают ли они воспринимать оснущую мысль автора?

Ни в коем случае.

Они вызывают лишь омерзение. Некоторые товарищи пишут иногда о том, чего они сами хорошо не знают.

Одни, например, пишут, что у героя, свлеченного в пивной и даже угрожаемого выстрелом, из-под лязгания на голове выскочил мозг.

— А вы знаете, что такое мозг?—эмбриологи заметили один из членов жюри.—Без них только рассказы писать можно.

НЕСКОЛЬКО слов о рассказе „Тоска“ приваживаю возможным к печати.

В нем автор показал, как свиваются рабочий парень, не привыкший и не привыкший к жизни, до продолжения жизни Романовой гражданской войны, когда живя уже требовала другого.

Рассказ написан смело, оригинально, живо.

Несколько портит его ковец, в котором углым искусством сделана смерть героя.

Этот ковец сделан бы совершенно оброщен.

Рассказ будет печататься с поправками.

Значительно слабее рассказ „Митрошка“, который может быть впечатан лишь с солидными исправлениями. Тем а взята правильно, язык во многих местах хорош. Портит впечатление некоторые дилетантские и невязки в развитии сюжета.

ТОВАРИЩИ, входящие в те или другие литературные кружки и группы почти не приняли участия в конкурсе, чем и объясняется, до некоторой степени, незначительность результатов конкурса.

В общем конкурсе показала, что нужно еще многому научиться нашим молодым начинающим писателям. Много следует им почитать и поработать над собой.

Только тогда произведения авторов, участвовавших в конкурсе, будут быть в цель без промаха.

Р. РОМАН.



Жюри конкурса «Смены» на бытовую рассказ. СЛЕВА НАПРАВО: 1) Р. РОМАН—пролетарский писатель, секретарь МАИПА. 2) И. УТКИН—комсомольский поэт, сотрудник Лит. Отдела «Комсомольской Правды». 3) Г. НИКИФОРОВ—пролетарский писатель. 4) М. Ю. ЛЮБОВ—комсомольский писатель, секретарь группы «Молод. Гвардия». 5) М. ГОЛОДНЫЙ—комсомольский поэт, член жюри «Перелет».

знает переживания Гришки,—об его желании учиться, потом жениться, потом опять учиться и, наконец, об его совершенно неосознанном поступлении на желательную дорогу. На последующих страницах автор сплывається и начинает нагромождать события: тут и заиспанение, и нечаянная гибель, и самоубийство. Он очевидно топил своих героев, хотя они и без того утомлялись... в воде рассказа.

А ведь задача автора—так развить сюжет, так расположить события, чтобы читатель и не скучал и, наоборот, не был бы огорошен чрезмерным нагромождением происшествия.

ЕСТЬ РАССКАЗЫ

(к числу их, конечно, не относятся те рассказы, в которых с особым смакованием преподносятся сцены, могущие вызвать нездоровый интерес испорченной части влиятельной одае жюри (пакетные сцены и проч.),—употребляются плащавые слова и фразы.

От жюри конкурса

Всего на конкурс было прислано 40 рассказов. Подавляющее большинство рассказов прислано т.т., только начинающими писателями. Кроме того дилетантскими кружками и группами почти не приняли участия в конкурсе, что объясняется отчасти слабой связностью с конкурсом, а также и сверхнормальным рабочим режимом и групп в летнее время.

Поэтому результаты конкурса так незначительны. Ни одному из всех присланных на конкурс рассказов жюри не удалось полностью приобщить к конкурсному материалу. В «Тоске» и «Митрошке» с исправлениями будут напечатаны в ближайших номерах «Смены». На 22 наиболее характерных рассказа жюри конкурса даны отзывы на страницах данного номера.

ЖЮРИ КОНКУРСА

КАК ЕГО ПРИНИМАЛИ

Рассказ В. ГИРИНА, фото Ф. ЗУБКОВА

ГРИШКА КИРКИН и Семка Фадеев — закадменные друзья уже с лишним два года. Когда Семка приехал из деревни и поспешил учиться в слесарную мастерскую Иван Кириллыча, то насупотив, в жестяночной мастерской Иван Лисенча он застаёт Гришку. Гришка учился уже пять месяцев, т. е. исправно каждое утро подметал половицу улицы и тротуар, а днем бил на побегушках. Помнит и Гришка, как он первый раз увидел Семку, когда утром они вышли на учебу с венниками в руках и как он, Гришка, дразнил Семку называя „Торей Распетюрей“. Но потом, через месяц, они сошлись и стали закадмичными. Теперь все, что они делали, то не иначе, как посовествовавшись один с другим.

Вот, например, Гришка узнал, что в нашем, мол, го родичке открылись ветерные курсы для рабочих. Он пошел и безо всяких записался, а через неделю Семка сидел на одной скамейке с Гришкой и, разинув рот, поглощал удивительную штуку — „арифметику“.

— А знаешь что, Сем? — таинственно, во вторник на ремень, после арифметики, спросил Гришка.

— Што?

— Я эту заявлению уже отдал.

— Какую заявлению? поморщившись, осведомился Семка.

— А в Кысьме.

— Ну и што же?

— А вот што-ж, — передразнил Гришка, — поноче собрание будет, и мне будут записывать. Или-чи в члены попаду, или-чи прямо в кандидаты ужожу, — сказал он важно. — Вон Митька с бондарного завода давно уже член Кысьме; и Микитка, и Кузька из кузины — тоже. И Шош...

Звонок не дал Гришке договорить.

9 ЧАСОВ. Собрание комсомольской ячейки. Своим чередом идет повестка. Долой до „разного“:

В „разном“ у нас, товарищи, следующее: К нам подано заявление от Кирилина Григория — о принятии его в КСМ.

— Кто такой? Где он? Пускай, покажется!

Гришка, когда увидела свою заветную бумажку в руках председателя и потом услышала свою фамилию, заерзала на скамейке и спряталась за Семку.

„Да што же я боюсь-то, — убеждал он сам себя, — ничего же не будет. У, анафемы, руки то как дрожат, тоже время настало!“

— Товарищ Киркин, выйдите и покажитесь, — услышал он голос председателя.

Сделав над собой усилие, Гришка встал и, чтобы скрыть дрожание рук,

мял шапку. И когда все зашуршало, зашумело, оборачиваясь к нему, Гришка покраснел, как рак, и даже углы рта начали подергиваться.

— Товарищ, выйдите сюда, — обращается председатель.

— Да... я-я-я, и язык никак не повернется, — злитса на себя Гришка. — Да, Я, я-бы и тут... Нет. Ну, хорошо. Все одинаково мне-же и отселева все видють, — промямлил он.

— Товарищ, да выйдите же в конце-концо! — потребовал председатель.

И Гришка, неловко задевая крайних на скамейках, вышел вперед. Жутко Гришке первый раз перед столькими глазами стоять.



... задевая крайних на скамейках, вышел вперед. Жутко Гришке в первый раз перед столькими глазами стоять.

Председатель читает заявление:

„Прошу принять мне в Ачейку Кысьме, так как она есть защитница рабочега антресу“.

— Теперь его анкета: „Киркин Григорий Яковлевич, 17 лет. Мушнина. Малограмотный. Занятие родителей“.

— Что здесь такое? — Отец, отец! — сзуй глаза, вглядывался он в анкету, — Мельник. Мать, мать — жена зпна! Он заземлялся. — Сичас отца нету. Помер. Сичас работаю в жестяночной мастерской“. Ага, — многозначительно агукнул председатель. — Репрессиям не подвергался. Да там дальше у него на все один ответ: нет и нет, так что не стоить читать, — заявил он, пробегая анкету.

— Товарищи, теперь кто имеет вопросы, обращайтесь к нему. А вы, товарищи, отвечайте.

А Гришка стоял, переминался с ноги на ногу и не знал, куда девать глаза. После председателя опять шум. Легрукостый сразу вырос.

— Тише! — кричит опять председатель. — По порядку нужно. Эй, вазиди там, не устраивайте, пожалуйста, базара. Ты, Симонов, что хотел спросить? — обращается он к курносому в кожаной тулужке Симонову.

— Я хотел спросить, где работаешь, — повернулся он сразу к Гришке.

— Я... я в жестяночной мастерской, — отвечает, заикаясь, Гришка.

— Сколько лет?.

— Я — третий год.

— Член союза? — строго допрашивал Симонов.

— Не-ет. — Гришка отрицательно замотал головой.

— Товарищ Крикунов, слово дается вам.

Встал Крикунов, волосы на манер художника или артиста и сзади отрублены. — Местный оратор. Хлосатая гроза или „заводной“, как его зовут.

— Интересно было бы знать, товарищ, почему вы вступаете в нашу организацию? — обратился он вежливо к Гришке; потом,

проведя рукой по своим волосам, продолжал: — и уяснили ли вы, так-сказать, те цели, те задачи, которые стоят перед нашей организацией?

Гришка с широко открытыми глазами и ротом смотрел на Крикунова и молчал.

— Что же вы молчите? — высовывая свои персты вперед, спрашивал Крикунов.

— Я... я не знаю.

— Что не знаете, как не знаете? — удивленно, как бы испугавшись, спрашивает Крикунов.

— Ничего не знаю, — отвечает, глядя себе в ноги, Гришка.

— Отвечайте на вопрос, который вам задали, — и председатель повторил вопрос Крикунова:

— Почему вы вступаете в комсомол?

Гришка очулся.

— В Кысьме потому, што, да потому, што, — и Гришка запнулся. — Я сам не знаю, почему. Потому что хочу... да нет, нет, я знаю почему. Ну, не могу сказать, почему.

— Ну, как же так? — недовольно спросил председатель.

— Подождите малость... Вот потому, што все мои товарищи записались, — вырвалось у Гришки. Вон Митька с бондарного завода записался. Кузька из кузины тоже записался, Микитка вон кошой.

— Прекрасно. Великолпно, — перебивает его Крикунов, закатив на этот раз глаза под лоб.

— Ну, а если Кузька, там, или Микитка запишутся в какую-нибудь приносящую социальное зло религиозно-оудуманчивающую секту. Ну, допустим, в массоны или-неузаты?

— Куды? — нахмурившись, переспрашивает Гришка.

— Ну, скажем, в массоны, товарищ, в массоны, — улыбаясь Крикунов.

Гришка ошесточено киво вынул в носу, что было признаком, что он чего-нибудь не понимал, и начинал супониться.

— Што же это за удивительное слово „мадоны“? — думал Гришка. — Наверно што ни-на есть самое матерщинное! А бес его знает, може, и хорошее. Нет, наверно плохое, потому, если бы хорошее, все бы его говорили, а то первый раз слышу.

— Так как он по существу на этот вопрос еще не ответил, — вставая, сказал Лескин, — то я задаю этот же вопрос. Товарищ, ты сказал, что ты записываешься в комсомол потому, что твои товарищи записались? Хорошо. А если они запишутся в белогвардейцы, ты тоже запишешься?

— В белогвардейцы они никака не запишутся, — ответил опять робко Гришка.

— Почему не запишутся, а может быть, запишутся. Ты же не знаешь?

— Не запишутся, и конец.

— Но почему?

— Да потому, што то белогвардейцы, и потому, что там все ахвицеры и богатые.

— Позвольте, — когда Лескин не успел еще сесть, кричит Крикунов, обращаясь к председателю, и став в ораторскую позу, левой рукой взялся за галстук.

— Так как, — начал он, обращаясь ко всем, — вы признали в общем и целом тот факт, который признает каждый член нашего союза, разбирающийся в политическом социализме и в вопросах международного положения Советских республик, единственной опорой пролетарских масс, — я думаю и полагаю, что то, что я сказал, это каждый член нашей союзной организации знает, и каждый подтвердит сказанное и примет мои формулы. — И пошел дальше, и все в таком роде. Слова вылетали, сплывались в клубки, и без смысла, без надобности падали на головы несчастных слушателей.

А Гришка за все время стоячий уже привыл. Сначала, когда Крикунов начал говорить, он внимательно слушал, но потом, когда увидел, что все равно слушай — не слушай — ничего не поймешь, — стал думать о чем попало, следил за правой рукой, которой Крикунов все время размахивал, за его отрубленными волосами, которыми Крикунов в некоторых местах встряхивал.

— Ну так вот, товарищ, — обратился наконец Крикунов, к Гришке, — почему вы, будучи знакомы с этим фактом, со всеми сторонами этого вопроса, не вступали в нашу организацию, ну скажем, в 1917 или 1918 году?

— Раньше... раньше не возможно было. Раньше я не знал, не мог. Я работаю... некогда было, — оправдывался Гришка, — и вот сейчас тоже некогда. Завтра рано нужно вставать. И ни знал, што это за Кысьма, и где она есть.

— Да как же не знал! Такой организация, и вдруг не знал! — удивлялся Крикунов.

Из себя вышел Гришка:

— Да што ты ко мне, как бзък к коворе пристал? Не так ему, да не эдак...

— Товарищи. Да что это такое? — Вдруг выскочил Лезвцов. — Мы для чего собрались, слова молоть што-ли? Иль на каторгу кого судим? Нашелся один трепач и наливает, и переливает из пустого в порожнее. — Не видно што-ль парня? — Птицу видно по полету. Что еще нужно. Отец — рабочий, мать — прачка. Если паренё не развит, это не помеха; на то и комсомол, чтобы развивать.

Крикунов, приняв прежнюю излюбленную позу, только с большей мечтательностью в глазах пустился в опровержения и доказательства, и снова завел речь.

В комнате во время речи Крикунова воцарилась тишина, только сзади несло подозрительное повсвистывание.

А Гришка из положения стоячего перешел в полустоячее, облокотившись на стол. На него нашел не то столбняк, не то дремота. Сначала Крикунов ввел на него тоску по логову, потом все его как бы убавкивало.

— Наконец — товарищи, сейчас приступим к... Киркин, вы пожалуйста выйдите, — объявил председатель Гришке, когда тот, чтобы найти какою-нибудь занятие и не заснуть, уже десятый раз перерывал по порядку у себя все в кармане.

— Куды выходить? — спросил он на предложение председателя. — За дверь? Почему?

— Правила такие, товарищ, — и председатель развел руками, как бы прося не то извинения, не то показывая, чтобы он поскорее вылетел.

— Эх, долго ли так мучиться? — подумал Гришка. — Почему скрытно принимают?



— Кто за? Раз, два, три... так, товарищи, Киркин принимается...

А Семка, когда Крикунов говорил последнюю „умную речь“, видел уже двадцать снов и очнулся только тогда, когда услышал голос председателя. Увидев, что Гришка скрывается за дверью, подумал, что он уходит домой, и выскочил в след за ним.



Восток Крикунов, — волосы на манер художника или артиста и сзади отрублены, — местный оратор...

— Идем! — Мрачно проговорил Гришка. — Идем! — Согласился Семка, но при этом спросил: — А это? — и указал на дверь.

— А это, — крикнул с озлоблением Гришка, — не видишь, я мокрый, как курица. Я думаю, што они мне под суд отдать хочут. Микитка Косой совсем по другому говорил: ты, грит, рабочий, и тебе должны принять по-простому — по-рабочему. Нет, дулки: мне больше туды не затянут!

— А знаешь, Гришка, я тоже не подаю. Они все больше языками хвасонут, — сказал в раздумье Семка, когда они стояли около мастерской.

А в душевной комнате, при одобрительном похорывании, Крикунов развивал теорию и доказывал, болтая руками и ногами. Когда Крикунов высказался, председатель спросил, не хочет ли еще кто высказаться и не получить ответа, сразу же и шел к делу.

Его голос, возмущающий о желанном конце собрания, освежающе подействовал на ребят. Послышались толчки, шушуканья в роде таких:

— Афонька, пронеси, голосовать нужно!

— Ты подними две руки одну за меня, а-а-а я страшно спать хочю.

— Товарищи, кто за то, чтобы принять Киркина в члены? Ага. Раз, два... большшинство. Кто против?

— Слушай, Верченко, ты там около двери, позови его.

— Эв, ты там, как тебе? Или сюда, — кричит в дверь Верченко.

Тихо. Никто не отзывается.

— Да его и нету здесь, — обращаясь к председателю.

— Нету? — Да ты посмотри там в углах, хорошенько, может, заснул паренё? Верченко пошел, вернулся и опять трагически сообщил: „Нету“.

Была уже ночь, и собрание закрыли.

В СТРАНЕ ЛОРДОВ

Очерк А. МУЛПАКА



Уличное движение в Лондоне.

I. ТУДА

ВОТ И ЛЕНИНГРАДСКИЙ торговый порт. Велик он. Пароход „Ленинград“ грузится в Барочном бассейне и туда надо прошагать версты три. Преодолеваю это расстояние. Вот и он. Стоит на якоре. За мной посылают шлюпку. С шлюпки на трап, с трапа на борт. Являюсь к капитану и старшему штурману. Койку мне отводят в матросском кубрике. Получаю матрац, подушку, ложку и миску. Устраиваюсь и начинаю чувствовать себя „моряком“.

Команда на пароходе небольшая — около тридцати человек. Чувствуется общественная жизнь. Недавно, из средств на культуру, купили инструменты для струнного оркестра. Игроков хватает и среди кочеваров, и среди матросов. Инструменты то и дело перекочевывают из кубрика в кубрик. Играют на слух и быстро подбирают новые мотивы. Сплошной народ и веселый.

День отхода подошел незаметно. Погрузка закончилась. Начались морские вахты. Произвели проверку. На мостике уже капитан и штурман. Вахтенный матрос стоит у штурвального колеса на руле. Вот громкий голос капитана отдает распоряжения. Зашумела лебедка, выбирая громышающую цепь якоря. Якорь поднят. Полетел приказ в машину. Вздрогнуло судно от заработавшего винта и медленно начало разрезать волны. Тронулись. Вот с малого хода

перешли на средний и, наконец, на полный. Береговые строения становятся все меньше и вскоре исчезают, а „мы“, коптя небо, идем по Финскому заливу к Балтийскому морю.

Морская жизнь началась.

Мимо — Кронштадт, морской запитник Ленинграда. Наши военные суда выпли на учебную стрельбу. Стреляют по плынущим на воде щитам и летящему в воздухе змею. Наблюдаем наглядный урок из физики о скоростях света и звука. Сначала видно пламя, вырывающееся из жерла орудия, и, лишь спустя около минуты, слышен звук выстрела.

Выходим в Балтийское море. Минуем Даго и Эзель, эстонские острова, на которых Англия собирается строить военно-морскую базу для своего флота, очевидно против нас.

Море совершенно спокойное. Штиль. Солнце не жалет кочеваров, которым и без того трудно работать. Температура в кочеварке перевалила за сорок градусов. Наш юнга принимает, лежа на палубе, солнечную ванну, желая совершенно бронзовый цвет кожи. Берегов не видно. Вокруг нас только синие воды Балтийского моря. Иногда навстречу попадает какая-нибудь „коробка“, тоже старательно дымящая в совершенно чистое, голубое небо. Хорошо на море в такую погоду.

Входим в Кишский канал, значительно сокращающий путь из Балтийского моря в Северное. Он построен немцами, закончившими его постройку в 1914 году, к началу империалистической войны. Медленно, под руководством немецкого лоцмана, проходим канал и устье реки Эльбы.

„Северное море — могила моряков“ — слышал я уже несколько раз от разных людей нашей команды. Это одно из самых несопокойных и опасных морей. Рассказы моряков познакомили меня

с трудной борьбой, которую уже не раз приходилось им вести здесь с разбухавшей стихией. Но на этот раз и оно относительно спокойно, больших волн нет.

В Северном море не обошлось без небольшого приключенья. На судне произошел пожар, который при данном грузе (доски) был очень опасен. Однако, его удалось усилками команды скоро потушить. Хорошо показал себя один из кочеваров, первый пошедший с огнетушителем в огонь и давший пример всем остальным.

Наконец, восточное побережье Англии вырисовывается на горизонте. Минуем морскую крепость, наследие последней войны. „Ленинград“ пришел удачно. Сейчас прилив. Поднимаемся вверх по реке Гембер и входим в воды Гульского порта, место нашего назначения. Английский катер провожает нас до отведенного нам в „Виктория-док“ места. Пришвартовываемся.

Прибыли в Англию.

II. ГУЛЛЬ

ШИПШАНДЕРЫ¹⁾ оказались нашими первыми гостями, если не считать, конечно, лоцмана. Они приехали на своих катерах, перешли к нам на ходу и вместе с нами прибыли в Гулль. Говорили они по-русски и всячески расхваливали те фирмы, товары которых они доставляют. За беглеца из Советской России ни один из них, конечно, не признавал себя, и все они уверяли, что живут в Англию уже очень давно.

Полиция и агенты английской таможни тоже не замедлили с визитом. Проверили документы. Затем собрали и опечатали бывшее у команды вино и табак, оставив каждому лишь по 1/2 бутылки и по осмьюшке табаку. В Англии следует пить только английское вино и курить только английский табак. Кстати, эти вещи там дороги.

Закончив эти процедуры, они разрешили команде сойти на берег.

Улицы Гулля сразу же дали понять, что мы находимся в Европе.

Непрерывно резало глаз то, что движение происходит не как у нас. Придерживаются левой, а не правой стороны.

Увидели двухэтажные трамваи и автобусы. У трамвая второй этаж закрытый (с крышей), а у автобусов открытый. Автобусных линий очень много.

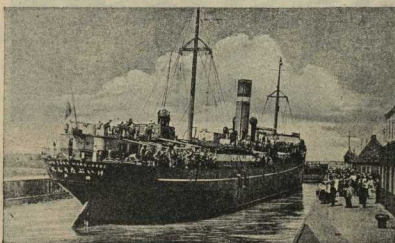
Извозчиков нет.

В большом количестве пролетают мотоциклы и велосипеды. Много велосипедисток.

Дороги безукоризненно гладкие, асфальтовые.

Много автомобилей.

На каждом углу стоит полисмен в синей форме и каске. Все они высокого роста и большей частью довольно упитанный народ.



В Кишском канале.

¹⁾ Поставщики товаров на суда.

Но недолго пришлось мне гулять по улицам. К 10 часам вечера улицы опустели, и полицмены стали приглашать всех оставшихся также отправиться домой. Пришлось вернуться «домой» — на судно.

В Англии плохой климат: сыро, туманы.

Особенно рано утром, при восходе солнца, все кажется серым и тусклым в объятах этих туманов. Почти всегда здесь облачно, и часто идут дожди.

Утром было собрание команды. Говорили о поведении на берегу. Но эти напоминания мало кому нужны. Большинство знает хорошо то, что границей нужно быть выдержанным.

Кончается собрание пением одного куплета Интернационала, что привлекает внимание команд рядом стоящих судов и барж и всех находящихся на берегу. Пеют дружно, зная, что для многих это — наглядный урок.

Все собрание происходило прямо на палубе, так что все было видно всем находившимся вблизи.

Снова пошли на берег.

Осматриваем памятники и здания Гуллы. Конечно, находим неизменный, имеющийся в каждом английском городе, памятник королеве Виктории.

Ряд памятников поставлены местным знаменитостям. Есть памятник «защитник отечества», воевавшим в империалистическую войну 1914—1919 года.

Ходили в кино (не переклассный). Последние места стоят меньше двадцати копеек. Шли две какие-то драмы, несколько коротких комедий, реклама, и закончился сеанс появлением на экране портрета короля.

Многие напились мы, при своем «знании» английского языка, не смогли прочесть, так что не все было нам понятно.

Экран хороший, большой и не мигает. Шли картины под аккомпанемент оркестра.

В зрительном зале свободно курят и разговаривают во время сеанса. В наиболее сильных местах драмы аплодировали. Самый зал большой и высокий.

Зашли в пивную. Не похожи на наши. Пиво подают бокалами, по «сыск пенс».

Пьют стоя; только около стен есть скамейки. Столков нет. Помещение маленькое, не располагает к сиденью. Выпивают бокал-другой пива и уходят. Закусок нет.

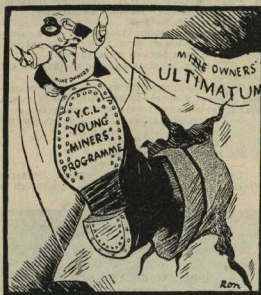
Торгуют пивные лишь до десяти часов вечера.



Команда парохода «Ленинград».

На окраинах часто встречается небольшие заведения, где продается порциями жареная рыба с картошкой. Едят ее тут же, как в пивных, стоя, или берут с собой порцию, завернутую в бумагу. Стоит это дешево, и ее поедают в порядочном количестве. По-английски это зовется «фрай-фиш». Они торгуют и в более позднее время.

Есть вечерние рестораны. Они работают и ночью. Здесь есть оркестры музыки, кабаре, танцуют фокстрот, одним словом, все обставлено, как и полагается в таких местах. Но поспать туда не так-то просто, не говоря уже о том, что такое посещение обходится «в копейку».



«Ответ юных рудокопов на ультиматум промышленников».

(Карикатура из английской комсомольской газеты).

В ресторанах требуют от своих «гостей» соответствующего костюма. Без галстука, воротничка, манишки, манжет и перчаток не пускают.

Проституция в Англии запрещена. Но это одна видимость. Развита она здесь в большой степени.

Проститутки «дружат» с полисменами, и те их не тревожат, когда не следуют.

Встречаются совсем еще дети, девочки в 15—16 лет, уже торгующие собой. Нужда у них, очевидно, чрезвычайно острая, ибо они получают очень небольшую плату — два шиллинга, что на русские деньги составит около девятидесяти копеек.

С одной стороны кафе с фокстротом, куда нельзя и войти без глупого, но дорого стоящего кукольного костюма, с другой стороны девушки пионерско-комсомоль-



ЛОНДОН.—Подъёмный мост на Темзе.

ского возраста, продающие себя за девственность копейк.

К нам стали приходить здешние безработные моряки. Они видно очень нуждаются. Во время обеда и ужина они едят с нами. Они все присматриваются к нашим порядкам, интересуются. Заходило несколько моряков с иностранных судов. Они знают кое-кого из нашей команды. Расспрашивают, как у нас живется морякам, и рассказывают о своих порядках.

Оказывается, на английских судах еще до сих пор работают по десять часов в сутки.

Один из них просит дать ему портрет Ленина, который очень хочет иметь их команда.

Находим в одной из книг судовой библиотеки портрет Ильича и вручаем его обрадовавшемуся гостю.

Бывшие в Лондоне моряки рассказывают, как во время пребывания там они устроили экскурсию на могилу Карла Маркса. Незаметно стоит она среди остальных могил на одном из лондонских кладбищ. Никто не следит за ней.

Рассказывают о Всебританской выставке, уже второй год функционирующей там. Туда направляются экскурсии со всех частей Англии, и экскурсантам предоставляют всевозможные льготы.

В голове родится мысль: не дурно бы съездить в Лондон, хотя бы под предлогом экскурсии на выставку.

Едем в Лондон. Три человека, получив льготные железнодорожные билеты на трехдневную экскурсию, отправляются на вокзал.

За 15 минут до отхода поезда начинается посадка. Сели. Звонков перед отходом поезда не существует.

Поезда!

Вагон третьего класса, в котором мы едем, лучше наших «мягких» вагонов. Он весь почти застеклен и вообще очень шикарен. Жаль только, что нет спальных мест, ибо едем ночью.

Наши спутники по купе не обращают на нас никакого внимания. Англичане — необщительный народ, сухой и гордый.

Нам дали почувствовать, что мы льготные пассажиры. На небольшой станции была пересадка, и экскурсантам (это был поезд специально для них) пришлось ждать четыре с лишним часа.

(Окончание следует).



Парожд стоял в доке, бегая огромным винтом, обросшим ракушками.

НЕ НОЧЬ и не утро, а так: свия сераяня между ночью и утром.

Город еще окутан чуть дышащей тишиной. И вдуру:

Сильный голос сирены разрывает густую пелену городской тиши.

Порт оживает. Берега плавно охватывают море, и только моря портовые башинья ножики всрываются в черные воды. Карнигиной, Воляной, Заградничью — во все моря.

А когда из сиреной начинают воздух распространять заводские гудки (они пожекие сирены, и звук как-то плавно извивается), тогда нет покоя при-

СОЛЕННЫЙ ВОЗДУХ

Очерк С. СМУТЛОГО, снимки Л. ВИЛЬНЕРА

повиснет, как в котлах, мешок. Две пары жилистых матросских рук повернула колеса — и мешок на земле. Мешок подкапывают бронзовые печи грузчиков и относят к красным вагонам. Вагоны быстро наполняются, и тогда несколько грузчиков, схватив его за бока, налегают.

Вырывается общее:

— Ого-го-го... — и вагон лениво отходит.

Агент:

— Под-да-вай!

Пустой вагон быстро подкапывается, у «стойки» (место, где груз опускает на землю мешки) стоит мешочник. Они подкают пыльные, в серых халатах, с ножостями, блага одичавшие на боку, как капитанский кортик, и в руках пачка шпатага.

Каждый раз, когда мешок рвется, «швачка», мусоя шпатаг, вдвигает его в огромную иглу и забавливо стегает грану мешка.

Ручи «швачки» работают быстро, чтобы не задерживать носку мешков и, кроме того, они, всь, одной «рука» (аргента), а много мешков престоит еще перетаскать.

Когда совсем остановилось как-раз против гоюя работающих и заваго посреди моря огромный костер, наступила перерыв; — капитан с иностранцам дьяво ушли.

Огромный матрос привлек мое внимание. Он стоял на борту и размазывая руками, ала мого-то. К нему подошел грузчик с широкой бороздой на которой спокойно улеглась забродуше.

— Чего тебе, товарищ?

Матрос, несомненно извращивая язык, загонорил. В огромной тени жемалых английских слов слыно дано близкое звено слово:

— Товарищ! — сказала и улыбуясь широко, как ребежок.

Путь матрос вытанц из кармана раскрашенной курьяны и протянул его грузчику. Грузчик взял и злоулююмо обтасил с товарищем:

— Дык да! ой мне журналь. А читать его как?

Грузчик и «швачка» спускались.

— Карнига и нечотришь...

По берегу пробежал торговец:

— Ляманда с деаю!

Его позвала английская матрос. Недалеко стояла «швачка». Матрос кивнула головой ей и

ТЕМНО. Синею водой вымылась и опять почернела. Только белыми пятнами чинки. Они палуют над самым морем, окуная розоватые клювники в воду.

Резко, когда утихнет на палубе, чайка сидит на острие мачты, но неважно. С высокой мачты скоро чайка увидит взмахи упорных крыльев коршуна...

— Чайка — птица, знаете, осторожная, — сказала мне мой друг «Фанья» — «Солдат» — портовой грузчик. — Потому, знаете, много ее перебоят ни прочто, ни за что...

— Почему Фала?

— А так, с любительства. Птица она божевская, синирия. На пишу не годится, перья никакая. А се бьют...

Мы стояли с ним у дока, на котором было много и торжественно восседал «Эмбриус» — болгарский пароход, потопленный безогардейскими джеванками из Осман...

— Фала, — спросил я, — оному столько денег потрачено на то, чтобы из воды поднять такое бахало?

— Фанья — солдат поморинская:

— Знатите, Семс!.. Баркало с вас только не авидет. Какое же это баркало, когда в нем только починюка нужна была.

— Мы стали спорить.

— Четыреста тысяч стоило поднять. И поправки...

— А выгода два миллиона. Ну, што, есть выгода, смежили си будет в роде как бы новий?

Парожд стоял в доке, бегая огромным винтом, обросшим ракушками...

И КОГДА чернота заливает все: и волну, и пародот, и берега, тогда неожиданно, как звезды, вырываются огоньки. Они выскакивают из темноты и засекают весь порт. Порт начинает зыгнать, только слышны паровозов и скреп вагонов нарушуют вселяющую тишь зорья.

Три маяки загнивают. Они бросают зеленые и красные космы в море и овар продвигают их. Сверху долетают ресторация музыка и темельная разноголосый шум гуляющих по бульваре.

Морская развильстой похолодой матросы лнут навстречу по бульварной лестнице — по сотням ступеней. Их встречает:

Запах гари от волос, запах дешесвых духов, скрежет кременей и еще радостнее светится вывеска «Интернациональный клуб моряков».

Морня тянет к своим — к морякам, и он идет в клуб.

А в порту?

Там все тише и тише. Паровозные системы уходят в сивость, и только выгода продолжается в соленом воздухе сильной голы заспанной порморской простотитки.

— У «Ларьке» я свела,

Углайте, что я ела?

Кисляя, кисляя огурец.



Матрос... велел торговцу налить и ей стаканчик, пригласив ее выпить.

морским улиткам: улитки глупые и широкие, сбрасывающиеся вязки к морю, затруженные аресбачками плащадками и грузозонками, позозупцима, как чешопаки. Узенькие тротуары — скрыты фигурами рабочих, шествующих быстро с горбатыми пакетами под мышаю.

Порт оживает.

ЗАГРАНИЧНИЙ пароход, бегая огромной одажекой трубой, гадает множеством своих глаз — клювными окошания.

Наверху:

Снуют матросы, матрос — негр возится у мачты. Юнга ползает на четвереньках, убирает палубу. Фриговетый капитан на сходках разговаривает с иностранцем. А огромный грузоопыемый кран поскрипает, потом вытанцется, и тогда в воздухе

звонком велел торговцу налить и ей стаканчик, пригласив ее выпить.

— Ав-да матрос!

— Свой парель.

— Кешаду.

— Ег, ег.

Капитан вышел из каюты. Поглядела и, увидев в кучке русских английского матроса, бросила сериюту фразу. Матрос встрепнулся и быстро ушел из кучки:

— Ишь, сука!

— Жалко ему...

— Не... Зарьва ботсы...

— Собирайсь... кивнула «старшак».

— Заскрипел кран. Повис мешок.

— Под-да-вай...

— Ого-го-го — и вагон лениво отходит.

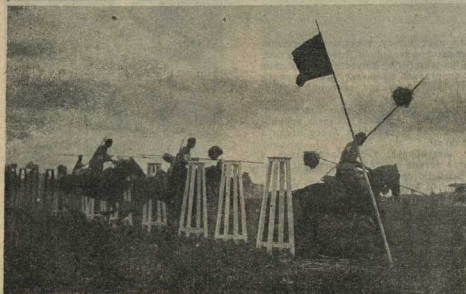


Матрос-негр с бамбуковыми шестами.

ЖИЗНЬ КРАСНОЙ АРМИИ

ПЕРВЫЕ ВСЕСОЮЗНЫЕ КОННО-СПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ Р. К. К. А.

Очерк Б. ГРОМОВА



ВВЕРХУ (слева) — После 30 километров скачки. Краском снимает седло для взвешивания.

ВВЕРХУ (справа) и ВНИЗУ. — Моменты рубки и ковки.



13 СЕНТЯБРЯ на скаковом ипподроме, в присутствии членов правительства и дипломатического корпуса, состоялось торжественное открытие первых всесоюзных конно-спортивных состязаний РККА.

В этот же день, совпадавший со 100-летием скакового дела в России, было проведено Всесоюзное скаковое „Дерби“. На торжестве присутствовали гг. Л. Б. Каменев, Уншлихт, Замнаркомзем т. Свидерский, Буденный и др.

Основная цель состязаний — отчет проделанной учебы Красной кавалерии, экзамен на боевую зрелость, смотр советскому коннозаводству и кавалериястам — спортсменам.

По заслушании приветствий, участники прошли мимо трибун церемониальным маршем. 12 курсантов старшего класса военной школы им. ВЦИК Советов демонстрировали военные упражнения и фигурную езду смен под звуки фанфар.

Ленинградские кавалеристы показали образцовую школу верховой езды и поразили легкостью движений, мягкостью управления, спокойствием и меткостью выполнения сложных приемов езды.

Затем состоялась массовая рубка лошадей. Программа первенства была закончена в 7 дней. Были разыграны: пробег на 50 килом., стрельба, владение холодным оружием, барьерная скачка, прыжки на лошади, рекорд в ширину и высоту и мн. друг.

Профсоюзный праздник физкультуры.

Очерк Б. ГРОМОВА

Со следующего дня началась «черновая» работа праздника, началась предварительная сортировка для вынесения лучшего коллектива, лучших участников.

Особое внимание было обращено на правильность медицинской осмотры. Ни один участник не мог выступать, не пройдя его. Таким образом, врачебная комиссия имела самую полную картину состояния здоровья каждого участника и влияния данного соревнования на его организм.

Комплексы, где работа поставлена образцово — уже много. Посмотрите, какая серьезная борьба

моки и продрогли. Судейская коллегия работала в отчаянных условиях. Нужно было иметь много энергии и настойчивости, чтобы провести это соревнование и не провалить столь сложного и ответственного номера программы. Этот кросс навсегда останется в памяти участников, дав неисчерпаемые темы для рассказов и анекдотов.

Первенство в кроссе взяли Ленинградские сортослужащие, пробежавшие дистанцию в 21 километр в 1 ч. 32 м. 21,2 сек.

На стрельбе в Митищах был проведен розыгрыш первенства по стрельбе на дистанцию 200 м.

Участвовало более 120 чел.

Лучшими стрелками оказались: Барковский, железнодорожник и в к ст Б. Луки, и Бобринцев — сортовская металистка. Пеньяй получил из 110 возможных 68 очков, вторая — 47.



6-го СЕНТЯБРЯ в Москве на вновь оборудованном стадионе в оне с сортослужащими имени «Профитерина», в присутствии громадного количества гостей, наполнивших все ходы и выходы, состоялось торжественное открытие первого профсоюзного праздника физкультуры, устраиваемого ВЦСПС.

День торжества открытия совпал с МЮД'ом. Утром был парад физкультурников на Красной площади. После парада, в 5 часов вечера все на стадионе. 600 лучших факультативщиков со всего Союза выходят на поле и, обойдя круг по дорожке, походят к трибуне. Там собрался представитель ВЦСПС, ЦК РЛКСМ и друг.

Знамена участников воздвигаются на трибуне. Радио усиленно разбрасывает по всему стадиону, дает возможность четко слышать все приветствия. В ответ на их громкий крик радости в виде нового приветствия, впервые введенного на этом празднике: «физ-культ ура-ура» несется через все поле.

Во время приветствий среди публики оказывается скромным зрителем С. С. Каменев — начальник Революсовета СССР. Его быстро обнаруживают, узнают, а мощное «ура» — окончательно выдает.

Революсовет и все Красная Армия, — говорит С. С. Каменев — с исконнольным вниманием следят за вашим ростом и вашими успехами. Вы являетесь смелой, которая войдет в Красную Армию, и потому необходимо важно, чтобы смелая была здоровой и полной сил.

Приветствия закончились. На поле, зеленое, ровное, как миллиардное суко, вынатыла гигантский мяч — «пуш-бол», мяч выше роста человека.

Проводится демонстрация этой новой, доселе невиданной игры. Публика заливаясь смехом, когда эта «громадина», нессь по полю, сталкивается с участником, и участник неминуемо оказывается на земле, демонстрируя свой «трюм».

за первенство идет между текстильщиками, металлургами, железнодорожниками и совработниками. Посмотришь на этих ребят и чувствуешь — этот не впервые на спортивной площадке, у него каждое движение серьезно продумано, экономно и ритмично.

Из женщин в беге на 60 м. отличилась тверская текстильщица — Тараблева, показав время — 8,4 сек. Богородская текстильщица Агеев показала время — 10 м. 65 см.

Женское шестиборье, т. е. соревнование в шести номерах легкой атлетики, выигрывает молельщица текстильщица Богородская.

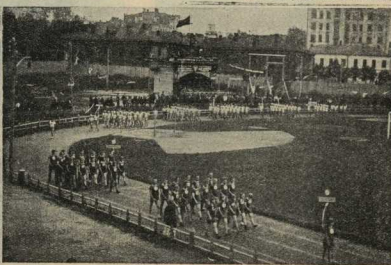
Сильная борьба из-за первого места в беге на 100 м. выигрывает победителем московского металлурга Лапушкина, опередившего своего конкурента на грудь. Прекрасный результат в прыжках в высоту с прыжка показывает тульский железнодорожник Никитин — 164 см.

Наконец, мужское шестиборье колчено. Первенство взяли московские металлурги.

«Гвоздем» всей программы несомненно был эстафетный кросс-контри — бег по сильно пересеченной местности (Бороубеи горы) — бег, куда входили дистанции и по ровной местности, и торист, где участникам приходилось плыть, грести и опять бежать.

Этот номер привлекал к себе всеобщее внимание. Его ждали с нетерпением. А разговором сколько было! Но, к сожалению, погода всеми возможными способами решила помешать успешному проведению розыгрыша.

Всю ночь, весь день шел дождь, земля размыла и превратилась в кашу. Участники про-



ВВЕРХУ (слева) — Бег на 1500 м. В СЕРЕДИНЕ (справа) — Старт бегов. СПРАВА — Момент выталкивания шара. ВНИЗУ — Парад участников.

РОДЫ ОРУЖИЯ

Очерк Г. И. ТВОДОРИ.

В КАЖДОМ ДЕЛЕ имеются десятки специальностей. Возьмите, хотя бы, железную дорогу: тут и машинисты, кончатеры, кондукторы, спешники, стрелки, ремесленники и т. д. Достаточно выпустить одного рабочего и т. д. Достаточно выпустить одного из этих специалистов, и движение поездов замедлится и сократится. Только совместной работой всех этих разрозненных специальных отделов железнодорожного дела обеспечено правильное, без опозданий, крушения и т. п., движение поездов.

Военное дело является не менее сложной машиной.

Обычно, когда мы говорим о красноармейце, перед нами встает образ вооруженного винтовкой стрелка, в лучшем случае, кавалериста, между тем, деление родов войск зашло гораздо дальше. Мы имеем в армии ряд специальностей. С каждым годом появляются все новые виды технических войск — химотряды, инженерные отряды и т. д., требующие не только заурядной воинской выучки, но и значительной специальной подготовки. Далеко более, каждый из этих родов войск требует особых физических качеств со стороны красноармейцев.

В Красной армии есть целая лестница специальных родов войск, каждый из которых по-разному и в разной мере требует от себя определенных качеств. Такой отбор происходит во время всякого призыва, происходит он и в следующем году.

Пехота, которая более всех знакома военнослужащим, занимает поля основное место. Пехотные части выдерживают на себе основные тяготы войны. Окопы — в них засела пехота. Большое наступление — после и во время употребления всех остальных родов оружия: артиллерии, авиации и т. д. — пехоте приходится вести непосредственный бой, окончательно занимать позиции или сдвигать противника. Стрелок — пехотинец должен быть вынослив, зорок и обладать хорошими слухом.

Но рост не так важен, как в артиллерии, где красноармейцы должны быть не ниже 160 сантиметров, широкоплечие, с хорошо развитой грудью и т. д.

Тут замешана не чья-либо прихоть, желающая видеть в рядах артиллеристов исключительно здоровых и рослых людей.

Артиллеристам приходится обслуживать орудия, пользоваться лошадьми и тракторами. Сама служба, особенно в горной артиллерии, поэтому, выдвигает более строгие требования к росту, гуду и весу. В конце и конной артиллерии надо еще не превышать предельного веса в 73 килограмм. Коротконогим, веерам (особенно боевыми горючими — триггерам), ставшими боевыми повзрослыми, тяжелой и т. п., — в коннице служить нельзя. Они не смогут бы выдержать длительных походов в седле.

Помимо здоровья и определенных физических качеств — прививается в расчет и известная подготовка. В артиллерии большую пользу приносит те, кто знаком с кузнечным, саперным и плотничным делом. В коннице нужны природные скакунки, те, кто любит и знает коня, знаком с конной и с шпорным мастерством.

Еще сложнее подбор людских составов в технических частях. Так, для бронечастей (танки,



Левый танк РЕНО.

бронепоезда), помимо знания мастерства, нужны люди определенного роста, способные к тому же долго выносить высокую температуру. Это объясняется тем, что им предстоит работа обычно в невысокой стальной коробе с незначительным доступом воздуха. В этих частях будут желанными пополнениями кончатеры и рабочие доменных печей, паровозные машинисты и их помощники и т. д. Позволив составу бронечастей состоять, таким образом, рабочих.

Для маскировочных частей требуется необходимо в первую голову правильное цветоощущение. Работа маскировщика требует умения разбираться в цвете местности, в тонах и красках ее контуров, в освещении местности в разное время года и суток, в разных условиях атмосферы.

Войска связи и инженерные войска обычно составляются из людей, имеющих известную специальную выучку. Так, в железнодорожные части инженерных войск обычно поступает до 50% железнодорожных рабочих.

В инженерные войска, состоящие из: чиженерных, саперных, автомобильных, электротехнических, потопных и железнодорожных частей, в особенности же в войска связи, призывают хорошо грамотных людей из саперов,

токарей по металлу, мостовиков, мотоциклистов, шоферов-механиков, электро-монтеров, электротельщиков, радио-специалистов, — своим из всех отраслей радио-телеграфно-телефонных служб, саужо технических и железнодорожных.

В химические части привлекаются преимущественно рабочие химпромышленности; все призвания должны иметь хорошо развитую зрительную мушку, здоровые дыхательные органы и здоровое сердце. Особенно обильно и зрелищно — основные требования для службы в химчастях; комплектование огневых частей требует к тому же и крепких нервов.

Наконец, комплектование воздушной и морской флотов также имеет свои особенности. Тяжелая, сложная и ответственная работа в воздухе и на море; в бою же обстановка сия требует крайнего напряжения сил, умственных и духовных сил человека. Здесь также важна привычка и любовь к воздушному аппарату; к сердцу его — мотору. Необходимо особенно индийский и предельный рабочие-крестьянскому делу личный состав, почти всегда действующий вне контроля, за пределами своих боевых линий.

Ответственна и не менее сложна работа и в морской флоте. Он комплектуется хорошо грамотными, крепкими и физически хорошо развитыми людьми, главным образом, из военных-приморских, приозерских и природных районов. Затем во флот идут призвания из матросов с гражданских судов, кончатеров на паровых судах, водников и т. п., имеющие по возможности какое-либо ремесло. 50% всего комплектования составляют рабочие, 30% — члены РККМ и не менее 4% члены РКП. В частности, все гражданские, прошедшие по военному-морскому допризыванию по готовности, обязательно призываются в морфлот.

Обзор требований по распределению призваниям ливший раз подчеркивает, такое огромное значение имеет для Красной армии квалифицированный рабочий всех отраслей труда и грамотный крестьянин, как велика нужда в подготовленном политически и технически культурном молодом ичке.

Наш молодежник — РККМ должен в первую очередь идти в основные роды войск, в войска связи, инженерные войска и воздушный — 8% пополнения; в tartalay, войска ГПУ и конвойные части — 15%, и наконец, в морской флот — 30% всего пополнения. В допризыванию по готовности, обязательно призываются в морфлот.

Эти цифры являются кра поречивым и повязательными.



Тележы пулеметы на стирльба.

ПТИЦЫ СТРОИТЕЛИ

Очерк В. М.—4

СТРОИТЕЛЬНОЕ искусство вообще не есть искусство только человеческое. В мире животных оно также развито, и от микроскопической корненожки до крупнейшего тигра почти все животные умеют возводить различные постройки для своего жилья. Иные из этих построек поражают и своей сложностью, и своей прочностью, и даже своей величием.

Мы в СССР не можем наблюдать большинства этих сооружений. Но много все-таки можем, и чтобы вывукать в трудную жизнь животных, попробуем разглядеть хотя бы часть гнезд. Осень для этого—самое подходящее время, т. е. мы никоим из птиц не испугаем и не погубим этим их выводка.

Нет ничего удивительнее и интереснее видеть гнездо у птиц и всех действий, связанных с этим. Все они совершаются только по инстинкту и всегда бывают совершенно одинаковы у всех животных одного вида при одинаковых обстоятельствах. Так, все молодые птицы в первый раз устраивают свои гнезда точно так же и с таким же совершенством и быстротой, как и старшие того же вида, не получая при этом ни малейшего урока от родителей.



Гнездо, приспособленное для яйцекладки птицы.

Однако, различные обстоятельства часто заставляют птиц изменять, упрощать или, наоборот, усложнять их работу, до того времени выполняемую по одному образцу.

Приведем несколько примеров удивительнойсообразности и находчивости у птиц.

Королевки и обыкновенно вьют гнезда у земли, и гнездо представляет из себя всегда толстый клубок мха и листьев, с входом сбоку. В одном саду ореховое дерево в своем росте несколько отклонилось в сторону. Хозяйка, чтобы исправить это, пригвоздила проволокой дерево к соседней стене, а чтобы проволока не повредила его, обвернула ее куском толстой материи. И что же? Под тяжестью этой самой материи на следующую же весну парочка королек устроила свое гнездо. Оно находилось на высоте 2-х метров; верхняя его часть и большая часть боковой перегородки

образовалась из материи и ствола дерева. Остальная часть гнезда была сделана из мха и внутри покрыта густым слоем пуха и шерсти. Таким образом птицы избежали более половины своей обычной работы.

Другой раз, один натуралист нашел гнездо короляка в куче сена, устроенное исключительно темными листьями. Целую кучу таких же листьев он открыл в соседней каваше. Так, птицы, желая облегчить себе работу, изменяют своим обычным приемам и делают гнезда из материала, который они находят в большом количестве по близости. Материалы эти могут быть очень разнообразны.

Один лесник нашел на одной из верхних веток бука гнездо иволги, прикрепленное обрывком красного шпунка. Почти наполовину оно было сделано из трамвайных бистов, веревки и серпантинки. Все это составляло, как оказалось, остатки одного пня.

В Швейцарии нашли гнездо воробья, сделанное исключительно из часовых пружин, вышедших которых занимаются местные кушеры.

Интересный случай рассказывает Картин: «Своя мухоловка делает обыкновенно свое гнездо при помощи стебелков травы, корешков, мха, волос и пуха. Однако, в Гайд-Парке, в Лондоне, нашли гнездо мухоловки, сделанное из старых спичек и бумаги от папирос.

Курлячки в Гайд-Парке позаботились, чтобы этот материал имелся в громадном количестве и был бы самым доступным для птиц.

Местонахождение гнезд птиц также меняют в зависимости от окружающих условий. Так, водяная цапля устраивает обыкновенно гнездо во впадинах и трещинах по берегам ручьев и рек. Но один наблюдатель в Швеции нашел гнездо этой птицы на дереве около ручья.

Осмотрев внимательно берега и окрестности ручья, он не нашел ни щели, ни углубления, благоприятного для устройства гнезда цапли. Следовательно, последняя силою обстоятельств дождалась сделатья жителями дерева.

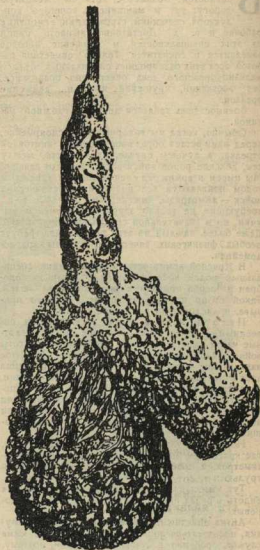
Водяные куры прачут свои гнезда в камыше и других водных растениях; однако в Голландии нашли гнездо водной курицы на ресоре одной картки, полузащитленной в воду.

Вообще многие породы птиц любят пользоваться для устройства гнезд всеми удобными для этого местами, так что встречаются, например, воробьиные гнезда в пухке, в пасти каменного яра, в старых кофейницах, конфетных коробках, колесках вагонов, шпиках для писем и т. д. Королевки также выбирают иногда самые неожиданные места для устройства своих гнездышек. Так, в Бельгии один из королек выбрал для этого карман в пиджаке одного из рабочих цементного завода. Рабочий оставлял каждый день свой пиджак на дворе. Изумленный хозяин не помешал птичкам закончить их работу и благополучно вывести своих птенцов.

Находясь гнездо соловья в ящике из белого железа, оставленном случайно в амбарах овня одной пекарни, гнезда синиц — в железном ящике от масок против удаляющих газов, от консервов, в цементной трубе и т. д.



Яйца, скрытые между камнями.



Гнездо ремеза.

Несколько лет назад в Голландии нашли гнездо ласточки под дном товарного вагона, который каждый день курсировал между Амстердамом и соседним городом; это не помешало, однако, ласточкам благополучно вывести свое потомство.

Многие птицы, главным образом, те, что вьют гнезда прямо на земле, замечательно хорошо умеют прятать свои гнезда; их так трудно было отыскать от окружающих предметов, что только очень опытным наблюдателям удается это сделать.

Это относится также и к количеству водяных птиц, у которых гнезда расположены на небольшой высоте или даже прямо плавают на воде.

Отлучаясь из гнезда, эти птицы (напр. вырки и большинство уток) прятывают свои гнезда листьями и тростником так, что их нельзя отыскать от несанкционированной ветром кучи растений.

Всех птиц не трудно разделить на группы по способу изготовления гнезда и материалам, которые они при этом употребляют.

Так, есть птицы-камешники (ласточка), плотники (сороки), валайчики шерсти (яблонки), вельтишки (большинство певчих птичек), ткачи (синица, ремез), шахтеры (зморок) и т. д.



ГРОЗИТ ЛИ ГИБЕЛЬ ЗЕМЛЕ?

Очерк К. В. РЫЛОВА

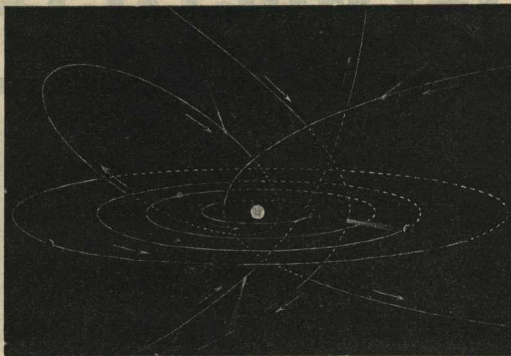
КАЖДЫЙ человек, принужденный провезти всю свою жизнь на земле, неизбежно должен задать себе вопрос об устойчивости и прочности ее существования. Но так как устойчивость нашей планеты прежде всего зависит от устойчивости всего света—человек поневоле должен был углубить вопрос и заняться изучением условий устойчивости всей вселенной.

Если мы ограничим вопрос устойчивостью вселенной в ее целом, в ее общих чертах—ответ может быть только положительный. Конечно, наблюдают случаи небесных пожаров и появление новых звезд, которые зажигаются внезапно. Но даже без этих редких случаев небесных пожаров наблюдают у бесчисленных звезд колебания света, которые в некоторых случаях объясняются происходящими на них извержениями. Все эти явления были бы ужасны при близком наблюдении, но на таких огромных расстояниях, для преодоления которых, свет, проходя 299.760 км. в секунду, должен употребить миллионы лет,—такое зрелище нам кажется только лобопытним.

И так же, как столкновение автомобилей или поездов, или же пожар в одном из домов на Тверском бульваре не нарушает устойчивости и безопасности всей Москвы, так и эти небесные пожары, которые объясняются столкновениями небесных тел, не нарушают ни в коем случае общей устойчивости мира.

На это читатель вполне основательно мог бы возразить: что за важность, что вселенная, в общем, устойчива, что катастрофы, жертвой которых делаются отдельные тела, не нарушают устойчивости общего механизма? Займемся лучше нашей маленькой землей; посмотрим, расположена ли она к столкновению с другими небесными телами, или к таким пожарам?

Причины катастроф могут быть внутренние и внешние. Начнем с первых. Подвергаемся ли мы опасности со стороны строения земного шара, его внутреннего строения? Уже давно геологи и другие ученые, занимающиеся изучением строения нашей планеты, убедились, что надо отказаться от мысли, что земной шар находится внутри в жидком, расплавленном состоянии и сверху покрыт тонким слоем твердой и холодной материи. Нет, если внутри нашей



Солнечная система.

планеты и находится жила расплавленного металла, они там есть в очень малом количестве и разбросаны по всюду. Явления колебаний почвы и извержения вулканов, зависящие от оседания внутренних паров, вовсе не являются доказательством существования одного сплошного расплавленного центрального ядра в середине земли. Эти явления, хоть и принимают иногда пугающие нас размеры, конечно, никогда не могут угрожать безопасности всей планеты.

Посмотрим дальше, грозит ли земле, как части солнечной системы, опасность от ее соседей—других планет, возможны ли гибельные столкновения между ними?

Орбиты (пути) планет приближаются к кругу, все они лежат почти на одной плоскости, с большими промежутками между собой. Это счастливое обстоятельство и не допускает возможности столкновения. Но будет ли это всегда так? Небесная механика нас учит, что, кроме закона тяготения, планеты производят друг на друга еще и такие влияния (пертурбации), которые мешают их движению и даже основанию их орбит. Но расстояния между планетами так велики, что даже сильные изменения форм их путей не могли бы их сильно сблизить.

Астроном Гершель открыл, что солнце не неподвижно в пространстве, что оно перемещается со своими спутниками, планетами и кометами к особой точке неба. Последующие наблюдения только подтвердили это важное открытие, определяя точнее положение и скорость, с которой солнце движется; она равна от 16 до 20 километров в секунду.

Тогда, куда же нас ведет солнце? Оно ведет нас вместе с собой в бесконечный океан вселенной, весь усыянный

„подводными камнями“, т. е. небесными телами, космическими массами, встреча с которыми и может быть для нас гибельна.

Это заключение из наших исследований кажется будто бы безнадежным. Но нет! Наука, только что напугавшая нас возможностью столкновения и катастроф, сама же приходит к нам на помощь. И какая же область человеческого знания успокаивает нас в данном случае? Это—общирная теория, которая часто подтверждается насмешкам со стороны непосвященных, но зато пользуется большим уважением среди ученых. Это—геория вероятностей. И людям, которые стали бы смеяться над доверием, основанным только на вероятности, можно было бы ответить, что все дела, все предприятия, и даже больше—наша жизнь,—все основывается на теории вероятия, хотя большинство этого и не замечает.

В самом деле, если вы сядете на корабль, который должен вас отвезти через океан, если вы садитесь на скорый поезд, делающий 90 км. в час, на аэроплан, который вас повезет со скоростью 150—200 км. в час—разве в этих путешествиях вы не подвергаетесь большой опасности? Напротив, встречи и крушения раньше были так часты, что прежде делали даже заезжания, отправляясь в дальнее путешествие!

И так хорошо было бы, если бы средства передвижения, которыми мы пользуемся без всякого опасения, давали бы хоть тысячную долю той безопасности, которую нам дает путешествие в небесном пространстве. По статистике можно рассчитывать на 1/10,000 возможности столкновения и других несчастий на железнодорожном пути. Возможность же столкновения нашего солнца с другими небесными телами в круглых цифрах можно выразить как один к десяти квадриллионам. Тогда ясно, что если дело идет о встрече звезд, принадлежащих к одному созвездию, возможности встречи практически... равна нулю!

Другими словами: так же мало возможности встречи нашей системы с другой, как возможности столкновения двух кусков дерева, брошенных случайно из двух отдаленных портов Великого океана. Вот, как нас убеждают вычисления вероятности.

Поблизителнык

ТРАГЕДИЯ 3-х ЖИЗНЕЙ В ДЕСЯТИ ГЛАВАХ

(На основании поэтического материала, присланного в редакцию „Смены“)

М. МАСУНИН, илл. Ю. МИФАСОВА

ва, пиши. Обязательно. В журналы не посылать.

ГЛАВА II

Из письма:
... И хотя я вас только впервые увидела на этой вечеринке, однако ваше выступление не могло не подельствовать на меня всей габубной своего содержания. Я вами очарована. Вы поэт. Моя мечта сбывалась: я знакома с поэтом Я бы очень хотела, чтобы вы что-нибудь мне посвятили. Напишите стихотворение - о ладивше....

ГЛАВА III

Из почты в редакцию:
... Тов. Редактор. Если поладит стихи — то поместите. Если же нет, то ответьте в почетном ящике. Нужно ли мне прилагать марки на ответ? Для меня это важно, так как „мои финансы поют романсы“. Прилагаю стихотворение „Ладивши“, написанное мною в бытность я на Кавказе. Посвещаю таинственной незнакомке:
О ладивше ты просишь написать, Ну что-ж... И мы эстеты И нам не чуждо собирать Букеты ладивы в газеты. Скорей спешите ладивы увидеть, Его не будет аетом. О ладивше ты просишь написать, Вот и написала тебе об этом“.

С почтением автор — начинающий поэт — Анатолий Пенкин. Если же это вам, тов. редактор, не нравится, то прошу поместить ниже следующее. Называется Поэтический зуд“.

„Точно морской зуд
В декабре по нервам пойдет.

Мой умоленный ног
Засыле поэта зудит
Насталто, вишь, в бешеном паясе

И в уши именем гулит“.

Тов. редактор, если не поинтой, то ответьте, что именно и почему.

С почтением уважающий ваш журнал... .

ГЛАВА IV

Почтовый ящик.
„Т. Пенкин. Прекратите заниматься глупостями. Если действительно были на Кавказе, пришлите лучше заметку или очерк“.

ГЛАВА V

Из письма:
... и как это тебе только не стыдно? Ты мой любимым! Ты мой поэт! Почему ты не пишешь? Жду, жду, жду твоих стихов в журнале. Как это будет красиво. Твои стихи, рядом твой портрет и твои фаваны. Мн...“

ГЛАВА VI

Редакция журнала.
— Черт знает что! Почему почта не присмотрена? Николай, просмотр! — Не могу, не могу. У меня уже голова расплывалась из части. — Адело, адело, станш! Барышня. — Разрешите все-таки узнать, почему вет моих стихов? — Коля, умираю, дай напросую. Под-живши отлаго. Дай докурать. — Не приставайте! За говорером завтра.

— „Спокойно море... Какой простор. В воде прохладной тела замкнути. — Возм, дайте мне наконец, возм! — А где южники? — Эв, гражданки — зловорья сор. Тяжелый негуд — дави круто“.

— Прекрасно.
— Барышня: 2-92 37. Да, да; спасибо.
— Николай, почту просмотр! — Отдай подписки винау, направо. — Будьте добры осторожьей, не лезте на ноги.

— Что это такое? От кого это? Пенкин — начинающий поэт. Тов. редактор. Прислалю стихи — снимок женской конференции в Пятигорске.



— ... Как это будет красиво! твои стихи, рядом твой портрет и твои фаваны... Милый!

„Из горных ущелий, аулов Кавказа Тянутся целые сотни людей, Краски ярдады смешались, и сразу Глазки пугливые стали смедей. Лица оживли: из-под красных косяком Загляли огоньки у лезгинов, Арыков, карачек, грузинов, Кизилариков, осетин, украинков, Мордванков, турменков и финков. „Прощай“ и без указания национальности. — Ха-ха-ха! Увиди, дьявол, убью. Лезгинов, джигнок карачек.“

ГЛАВА VII

Из отношения в отделе печати:
... сошел с ума из-за несработавности. Просьба заменить другим работником“.

ГЛАВА VIII

Из письма:
... стихов в журнале нет. Я tobacco разочарована. Прощай навеки“.

ГЛАВА IX

Из посмертных стихов начинающего поэта Пенкина.
„Моя молитва (свободным белым стихом а-ял Тургенев) — Всмогуший разум! Ведай ты мощью созвать все: Я обратился к тебе с молитвой. Дай мне жизни: она разбита. Погиб, влюбленный я в глаза, а чьи они — я не отворю“.

ГЛАВА X

Из книжки записи больных сумасшедшего дома:
№ 32 — Николай Пастухов — сотрудник редакции — буйное помешательство.

№ 33 — Анатолий Пенкин — начинающий поэт — тихое помешательство“.

Три вывода из сей трагической истории:

1. Не ходите на вечеринки.
2. Не работайте в редакциях.
3. Не пишите стихов. (Умолжно).



«Уже Коляска с мрачным видом воткнулся выпрыгнуто с 6-го этажа...»

ГЛАВА I

Вечеринка у Сашки Попомарева, по поводу благополучного 20-летнего пребывания его на земной поверхности, была в полном разгаре. Как говорится, „дым шел коромыслом“. Уже наступала момент, когда Ванька, сидя под столом, удобившись испанскому пугу, исполняя беспрерывное: „ку-на-ре-ку“. Уже Коляска с мрачным видом, вынув из кармана все свое богатство (протертый ниток и пуговицу — отдайте все маме), и полкажице Дугасе Фербуске готовится выпрыгнуть с 6-го этажа на 3-й этаж противоположного дома. Уже... Уже все было в „порядке“, когда вдруг вселось предложение:
— Ребята, даешь дивертисмент. Пенкин, Пенкина — на стол.

— Так я, ведь, ни-че-го не знаю.
— Брось дурака валять! Даешь стихи! Сти-и-и-и!

— Ну, ладно, ребята, я вам прочту свое собственное стихотворение. Оно у меня самое первое и я еще...
— Ладно, ладно, после разберем, читай!

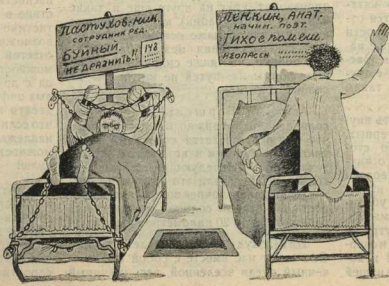
Ночь. Луна. Фонтан. Она. Мечтает. Ждет. Он идет.
— Bravo, bravo! Валий в том же духе!

— Ветер. Был. Ах нет, он не был. Нет он был. Был. Был. Был.
— Ку-ку-на-ре-ку! — повеселся из под стола.

— Ну, если мне Ванька будет мешать, то я брошу...
— Ванька, черт, замочил. Валий далавше. Прекрасно, прекрасно. Неужели твои?

— Со всех сторон ступились тени. К кустам сирени — луна зашла. Она ушла. Печальная тишь, и бурны лишь фонтан блеск и брызгоз блеск. Треск! Я чужий!

Прекрасно! Великолешно! И такой талант пропадает: лишь, братиш-



ПОМОЩЬ ЮРИСТА

Юриконсулт А. ЗАКС

М. Богравеву (Маруполь).— Подается в возрасте от 10 до 15 лет наказание не свыше 6 часов. Если работа, сверх этих часов, является сверхурочной и, если она производится по предписанию администрации, молодого рабочего имеет право, на основании статьи 80 Кодекса Законов о

Труде, на вознаграждение за излишне проработанные 2 часа в размере не ниже зарплат за 3 нормальных часа.

С заявлением об уплате за сверхурочную работу надо обратиться в РКК, профсоюз или в суд по трудовым делам.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

А. Просвяровой (Могилев-на-Днепре).—Твой рассказ написан неплохо. Есть удачные места и живой бойкий язык.

Плохо только, что на протяжении всего рассказа сама говоришь и говоришь об «Аде», а в то время, когда художник делает мешки говору, а боьше показывает своих героев, и ту среду, в которой они живут.

А у тебя получается один разговор автора и потом рассказ скучен и неудачен.

Письмай еще.
И. Димову (Амвара, Чит. ж. д.).— Стихи у тебя еще слабые.

«Бойкий ты у меня и кушай, Бог! Любого стиха сочини».

Живая сама их рождает, душа просит Их картая в стихах вылагать».

Все твои стихи по форме слабые; а по содержанию—пугавые и беспредметные.

Я Настусевичу (Вагайвосток)—Твои заметки пересланы в «Комсомолецкую Правду» в я «Молодой Комсомолец». У тебя получаются чисто газетные заметки, а для журнала нужно писать очерки или рассказы. Пиши о быте комсомольца в красивом фототе. Или подробней опиши одно из заводских предприятий. Пересланы заметки, а для журнала нужно писать очерки или рассказы. Пиши о быте комсомольца в красивом фототе. Или подробней опиши одно из заводских предприятий. Пересланы заметки, а для журнала нужно писать очерки или рассказы. Пиши о быте комсомольца в красивом фототе.

И. Мухому (Ирбев, Енисейской губ.).—Стихи твои не пойдут. Слабые Письмай не почитай. Пересланы визит-ка, Молодая Гвардия» а рассказы на конкурс—взят на просмотр членами жюри.

В. Володуну (Москва).—Зайди в редакцию, в литературный отдел, от 1—3.

А. Анисимову (Киев)—Тебе лучше писать по украински, если это язык твоих разговоров. У тебя в стихах на два русских слова одно украинское. Если хочешь писать по русски, обращай внимательно с русской фразеой в литературу. Пока слабо.

А. Свирскому.— Не пойдут. Прежде чем писать такие стихи как: «Ночь. Луна, фонтан, она. Мечтает. Ждет. Ожидает. Ох, как слышит ее. Сибирский, уютный, стан и т. д.», нужно было немножко подумать над такими нетрудовыми вопросами: кто за журнал «Смена»? Кто его читает? В каком году ты живешь? И, наконец, самое главное, подумать над тем: чем должны заниматься молодые парни в наше время кроме гуляний?

А. Ракова (Москва).—Не годится. Так писанин, когда-то гимназистки в альбом друг другу. Можно написать и о ладных, и вообще о каком угодно предмете, но с таким старинным местом, с таким гимназическим пейзажем делать это не рекомендуется. Приняли что либо другое.

В. Старадому (Станд. Иппоциппов).—Плохо вышло у тебя стих. Стих заметен, очерки для стихов помимо всего остального изучения художественная грамотность, которая тебе нужна добиваться, если хочешь писать их хорошо. Учишь, читай.

В. О. П. (Петгорск).—Ты бесконечно насчет марок и говоришь, что твой финансы поют романсы;

ну, так это было бы еще победа, если только финансы, но дело в том, что у тебя и в голове тоже какие-то бедные мысли поющие романсы.

Вот например:
«Илюбо так,
Когда откинув политиканку
И алгебры шажок
Растыпався в саду у вишни
И у слышать из рифмы,
Весь отдаловый смач».

«Ты застываешь этой зартай,
И забываешь все так,
Что 13 седьмю партии
Брать не хочешь никак».

Погода она сочиняет, «Алгебры шажок» и алгебра никак не полезна для тебя знатнее, пишешь мей, на ближайшую пару лет.

Курдюмову (Николаев-Уссурийск).—Не пойдут, но писать стоит.

Письмай еще. «Алет» сюжетный и поэтому интересен впечатление. Надо писать просе. Отрывные фразы, извращения фразы в изложении, всем эти нехорошо злоупотреблять: лучше читать рассказы.

Донецкому (Ленинград).— Не пойдут. Придумана у тебя вся эта история, а если даже и действительно факт положив основу рассказа, то можно неупреждающе. Шли еще, можно неупреждающе.

А. Вотинову.—Сообщил свой адрес более разберешься.

Г. Троицкой (Иркутск).— Не пойдут. Твой рассказ, рассказ с романтизмом неинтересен, разработана плохо. Непонятно, зачем это было писать, что, собственно говоря, произошло? Письмай очерки на живые темы, но не нужно стараться, чтоб обязательно, как у рассказов; или прозе, что видишь, что помечашь, лаять и недостатки, и хорошее.

Подвиги и сестру (Николаев).— Пойдет. Письмай еще.

Кюноенко (Кременчуг).— Не пойдут. Эпизоды, описываемые тобой, достойны более серьезной обработки, чем это имеет место в твоих рассказах.

А. Ляскевичу.—Твоя сердечная привота не может выйти себе приемыли в печати. У тебя выходит одна неясность и пошлость, а никак не стихи.

«Ушла, ну, пусть себе несется, Не нам, не нам ее слыжать,
Развешены в другом ряду»—Зачет, хоть с тем, с другим, посылать».

Займись политическим самобразованием, это будет тебе полезнее, чем писать стихи.

Тябко (Старог.)—И в стихах, и в «Шурке» есть кое-какое зеринико живого, но и в том, и в другом нет ничего. Стихи твои и присылай. Их прому подобно дать более оформленную бытовую очерк. По всем признакам, получится не плохо. В «Шурке» был слишком незначительный очерк, который мог бы быть вырван в очерк или рассказа. Пока присланное пойти не может.

Сергею Дорожникову (Вятка).—Из присланных стихов пойдут «Надвиги огоньки» и «У клеверника».

Шлите еще.

А. Чуркину (Кронштадтская крепость).—Поэзия заниматься тебе

несомненно стоит, но надо уж действительно уж заниматься, если хочешь, чтобы вышел твой из этого стихов. Слабо с ритмом, несколько вышито разработана тема. Наши лучше небольшие вещи и старайся делать их прозе—нам думашь и чувствуешь; поменьше трюковых фраз. Присланное не пойдут.

К. Иваненко (Киев).—Не пойдут. Нельзя строить стихи из маромодного лозунгов. Получается лишняя формальность чужестранность. Пиши просе, спокойнее, более вдумчиво. Присылай.

Л. Колышеву (Казань).—Твой рассказ-фельетон не пойдут. Твои затея да митинг инструментов выполнена слабо. В таком виде материал походит для стенной газеты. По второй пробы мы перешли фельетон в журнал «Комар».

М. Бадину (Петропавловск).—Плохо, пусть не можешь. Нужно читать лучше стихи, это поможет разбираться в своих. Турецкая лучше «Наша и некоторые» строки в нем определенно говорит за то, что писать стихи тебе стоит, но печатать еще погоди.

И. Кедарскому (Вологда).— Несмотря на то, что некоторые места, главным образом, описания природы, сделаны по духу художественно, весь рассказ пропитан зубочным впечатлением. Жива Дунаев, стала соловьяром, любил Прохора. Петля хотел изнасиловать, отомстил и заколол княземом. Нельзя так писать, это большое логическое отхождение

к материалу, которым ты орудуешь. Больше вдумчивости и наблюдательности. Присылай еще.

П. Яковлеву (Небоксарь).—Твой рассказ «Максим», несмотря на передачу все же слабо. Начеать его не можешь. В твоём рассказе далеко нет, «несколько того, что нужно». В нем нет самого главного—художественности. Единственно, что может тебе пока посоветовать—читать художественную литературу.

ЛИЧНЫЕ ПИСЬМА ОТПРАВЛЕНЫ:
Смирнову—Кострома, Асафьеву—Тамбов, Страханову—Смоленск, В. Гирину—Батум, А. Бадену—Одесса, П. Чокомку—Нов. Устьин, А. Крюкову—Баку, Б. Скорбину—Киев, А. Китасову—Вороничи, Овсянко—ст. Перевя, Е. Глянттернику—Ленинград.

НЕ ПОЙДЕТ!

П. Гавриану, В. Половской, Ф. Абрамову, Маггеру, Н. Евстратову, С. Шадрину, Н. Дохиину, Н. Шумковичеву, Ф. Осюкову, Н. Рыжовичеву, А. Лебедеву, Д. Лотареву-Тяпичу, И. Колякову, С. Шестопалову, А. Поуару, Н. Рихонину, Вайникоскому, А. Максидисеву, А. Веселову, А. Чаникову, А. Ренюму, Ю. Марковскому, Б. Ясному, М. Соколову, Л. Башкирову, Г. Мидневской.

РЕБУСЫ, ШАРАДЫ И ЗАДАЧИ

Корреспонденцию посылать «Отдел задач»

№ 31. Ребуе



№ 32. Шарада

Н. Н. С.

«Пенцур! кол перевернуть,
Начало в слове твое найдешь.
Второе—также, что несободя
Делать еще была народом;
Линя надо предсе, как прохотеть,
Овну в ней будо перенести...
А еще слышало: кто трудом,
Кто слышало за чужим возром...»

№ 33. Логорюе

С «В» —животное такое
Есть на свете но не лог...
«В» —весь нас уменота
В февралю лишь только лала.

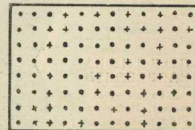
Загадки-шутки

Задача № 34
Куда нужно пойти, чтобы получить сырости?

Задача № 35
В середине каких напитков, установлена шифру, пошуми выставку?

Задача о саде*

Сад, в котором было 66 яблонь и 30 груш, срыновали 6 крестьян. Чтобы не было непорядков при делении урсы, они решили поделить сад на 6 равных частей. Сад унался разделить так, что части были не только равны по площади, но и одинаковы по форме и на каждой части было по 11 яблонь и по 5 груш. Как разделили сад?



На плане уруши отмечены красными, а яблонь черными.

* В задаче № 16, помеченной в № 16 «Смена», пропущен план сада, вместо его залача помещены вторично.

ВСЕ КОМСОМОЛЬЦЫ,
ЧИТАЮЩИЕ
„РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“
ИЛИ
„КОМСОМОЛЬСКУЮ ПРАВДУ“

ВСЯ БЕСПАРТИЙНАЯ РАБОЧАЯ МОЛОДЬ,
ЧИТАЮЩАЯ
„КОМСОМОЛЬСКУЮ ПРАВДУ“
ИЛИ
„РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“

Д
О
Л
Ж
Н
Ы

Д
О
Л
Ж
Н
А



ПОДПИСАТЬСЯ
И
ЧИТАТЬ
свой журнал

СМЕНУ!



ЧИТАТЬ
И
ПОДПИСАТЬСЯ
на свой журнал

СМЕНУ!

СМЕНА

углубляет и
расширяет те
сведения и
знания, кото-
рые дает га-
зета.

ПОДПИСКУ
НАПРАВЛЯТЬ
по адресу:
Москва, Новая пл.,
д. 6/8, отдел перноа.
изданий Из-ва
МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ.

ПОМНИ!



СМЕНА

твой лучший
помощник в
учебе и рабо-
те!

До конца 1925 г.
(на ноябрь и де-
кабрь)

„СМЕНА“
стоит 1 р. 20 к.